

Ханну Мякеля Лошадь, которая потеряла очки

Перевод Элеоноры Иоффе
Предисловие Эдуарда Успенского

8

ХАННУ МЯКЕЛЯ

Лошадь, которая потеряла очки

Перевод
Элеоноры Иоффе

Санкт-Петербург
ЗЕБРА
2001

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
М 99

Copyright © 1977 by Hannu Mäkelä

*Книга публикуется
с любезного разрешения автора*

Перевод с финского Элеоноры Иоффе

Оформление серии Вадима Пожидаева

Художник Владимир Осипов

Мякеля Х.

М 99 Лошадь, которая потеряла очки: Сказочная повесть / Пер. с фин. Э. Иоффе. — СПб.: Азбука-классика, 2001. — 224 с.

ISBN 5-352-00171-7

Ханну Мякеля — детский писатель, которого в Финляндии знает едва ли не каждый. И детям, и взрослым наверняка придется по душе его сказочная повесть «Лошадь, которая потеряла очки». Она впервые публикуется на русском языке в переводе Элеоноры Иоффе. А предисловие к этой книге написал друг Ханну Мякеля и замечательный детский писатель Эдуард Успенский.

ISBN 5-352-00171-7

© Элеонора Иоффе, перевод, 2001
© В. Осипов, иллюстрации, 2001
© «Азбука-классика», 2001

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Все вы, наверное, читали книгу «Дядюшка Ау» или видели такой мультфильм. Может быть, вам попадалась книжка «Пяйве Пяйевич Пяйвев» или вы видели кукольную пьесу с таким названием. А может быть, вы не читали и не видели ни того ни другого — тогда у вас всё лучшее впереди.

Но так или иначе, обе эти повести написал известный финский писатель Ханну Мякеля. Он вообще-то написал очень много книг, просто именно эти были переведены на русский язык и понравились русским ребятам.

Теперь у вас в руках ещё одна его сказка. Он написал её давно, когда был совсем молодым (просто мы поздно хватились), и поэтому эта книга тоже очень молодая и свежая.

В этой сказке главной героиней является городская, безумно интеллигентная и поначалу беспомощная Лошадь. Ей помогают в трудные дни выжить и сохранить свою интеллигентность Собака, Ёжик, Ворона и даже Мышь. (Ничего себе компания!)

Но всё дело в том, что в сказках, как и в баснях, под животными всегда подразумеваются люди. Под Лисой подразумевается хитрец, под Пчелой — труженица, под Мухой — слесарь-водопроводчик.

И если вы присмотритесь к героям «Лошади», вы, может быть, узнаете среди них кого-либо из своих знакомых.

Юные друзья, вы наверняка обратите внимание на то, что героям книги постоянно немного везёт. Даже, кажется, больше, чем положено. То продрогшей насквозь Лошади попадаетсся сарай, полный вкусного сена. То наши герои натываются на заброшенный молокозавод. То к ним приходят две чрезвычайно бестолковые, но очень трудолюбивые и полезные коровы.

Это могло бы насторожить читателей. Но если вы внимательно исследуете свою прошлую жизнь, то наверняка увидите, что вам тоже довольно часто везёт. Это не случайность, это закон жизни. Так что живите веселее.

Я думаю, что, когда вы прочитаете сказку, вы наберётесь многих интересных мыслей. А если не наберётесь мыслей, то научитесь делать сыр и даже немного управлять автомобилем.

Итак, в путь-дорогу. Открывайте книгу и начинайте читать. Только не читайте на уроке. Учитель отберёт книгу и будет читать сам.

17 августа 2001

Эдуард Успенский

Р. S. Ребята!

Я совсем забыл, что эта книжка — переводная, настолько чист и ясен язык перевода. Правда, переводчику Элеоноре Иоффе иногда приходится что-то изобретать, чтобы лучше и точнее пересказать по-русски то, что Ханну Мякеля написал по-фински.

Лошадь, которая потеряла очки

Лошадь потеряла очки. И больше не могла читать. Она взглянула в окно и опешила. Там, где раньше были большие цветные кляксы, вдруг появились деревья, трава, цветы. А там, где раньше была книга с буквами, белела мутная страница. Буквы по одной скатывались через край книги, шлёпались на пол и уползали на улицу. Лошадь заметила их возле камня под окном. Они быстро сновали туда-сюда и перетаскивали обломки веточек, сосновые иголки и разный хлам.

Лошадь поняла, что их уже не собрать. Она закрыла книгу и снова открыла, но буквы не возвратились. Заглянула под половилок: там была только пыль. Лошадь чихнула. Потом села и принялась размышлять, потому что не знала, как теперь быть.

До этого у Лошади, по правде сказать, была замечательная жизнь. Сначала она была

озорным и весёлым жеребёнком. А когда выросла, занималась разными интересными делами — даже работала некоторое время на арене цирка. Но оттуда пришлось уволиться: не сошлась характером со львами. После этого Лошадь возила в деревне телеги и пыталась пахать, но оказалась для этого слабовата. А выступать на скачках ей совершенно не хотелось.

Но потом она нашла подходящее занятие: писать в лошадиные газеты рецензии на лошадиные книги. Она прочитывала книгу, писала рецензию, отправляла её по почте и получала через некоторое время немного денег. На них Лошадь покупала сено и овёс, а иногда, если денег приходило чуть-чуть побольше, — литр молока и пирожок с капустой. Она обожала пирожки с капустой.

Лошадь почесала в затылке и решила всё хорошенько обдумать. Она уселась за стол и после долгих размышлений написала:

1. Я — Лошадь, которая потеряла очки. Что мне делать?
2. Разумеется, купить новые!

В первую минуту эта мысль показалась ей очень удачной. Но потом она кое-что припомнила и принялась медленно выводить:

3. Но у меня ведь не хватит денег на новые очки!

4. А деньги я получаю за чтение лошадиных книг!

5. Которые не могу читать без очков!

Тут Лошадь почувствовала, что её шкура начинает сесть, — так она расстроилась...

«Не слишком-то весело начинается день!» — подумала она.

Впрочем, стоит только как следует поразмыслить, и выход найдётся. И она быстро написала:

6. Можно продаться на колбасную фабрику, но как я тогда смогу воспользоваться полученными за это деньгами?

7. Можно поехать в девчоночий конно-спортивный лагерь.

8. Пойти по свету удачи искать.

9. Пойти по свету удачи искать.

Лошадь решила перечитать всё с самого начала и с ужасом обнаружила, что не видит, что там написано. Она запомнила только два последних предложения. Но какое же из них выбрать? Номер восемь или номер девять?

Лошадь призадумалась. И чем дольше она думала, тем яснее понимала, что нужно последовать совету номер девять.

— Решено! Я пойду по свету искать уда-
чи, — сказала Лошадь. На душе у неё стало
радостно и совсем легко.

Лошадь заглянула в кладовку и нашла там
вязаную шапочку с кисточкой и сапоги. Она
как следует высморкалась — так, что нос за-
дудел, как труба. Потом выкопала из-под
матраса свой тощий кошелёк, сунула его в
карман и отправилась в путь. Оглядываться
ей не хотелось. Потому что если оглянуться
назад, то увидишь знакомое кресло, люби-
мые книжки, две сухие сосновые ветки в
стеклянной банке, фарфоровую лошадку на
полке — и станет слишком грустно.

— Не буду больше об этом думать, — ска-
зала себе Лошадь, — пойду, и всё тут!

Она захлопнула за собой дверь. Дверь
грохнула, комната исчезла, и впереди вдруг
возникли деревья, дома, дорога, кусты. Отку-
да-то издалека слышны были голоса автомо-
билей и людей, но к ним Лошади совсем не
хотелось. Она натянула шапочку до самых
глаз, шмыгнула носом и направилась к лесу:
узенькая тропинка уходила в сосняк, пахнув-
ший смолой. На двери Лошадь оставила за-
писку:

**Лошадь. Отправилась
в путешествие. Насовсем.
или почти. Я только зайду
Кое-куда. Может, и вернусь.
Ведь никогда не знаешь.**

А в комнате лошадиные очки ждали хозяйку и очень сердились. Они томились в тесном и тёмном месте и ужасно мёрзли. Кому же понравится лежать в маслёнке на верхней полке холодильника?

Прошагав какое-то время, Лошадь остановилась. Она устала.

«Наверное, я уже довольно далеко ушла, — подумала она, — уже есть хочется». И Лошадь огляделась в поисках съестного.

Ветер шелестел в пустом лесу. И Лошадь почувствовала себя очень одиноко. Там и сям меж деревьями мелькало что-то зелёное, но, стоило Лошади приблизиться, это «что-то» оказывалось мхом. Лошадь уткнулась носом в мох и понюхала. Впустую — она ведь знала, что мох несъедобный. И подходящего кафе тоже не было видно. Ничего не оставалось, как продолжать идти вперёд.

Тропинка понемногу расширялась. Потом за деревьями показалось какое-то строение, и вскоре Лошадь вышла к избе. Она вздохнула с облегчением. Там наверняка есть кто-

нибудь, кто даст ей перекусить. Или хотя бы продаст еду.

«Клок сена и брусничный йогурт», — мечтала Лошадь. От этих мыслей у неё слюнки потекли.

На крыльце стоял низенький человечек; он что-то злобно бурчал себе под нос. Янтунен был не в самом лучшем настроении, поэтому внезапное появление лошади действовало ему на нервы. В самом деле — настоящая лошадь, не какой-нибудь трактор. Хотя и малорослая, но, видать, резвая. И откуда она появилась — может, сбежала?

Лошадь осторожно приблизилась к человеку, остановилась перед ним и неуверенно спросила:

— Простите, вы не могли бы продать мне сена и овса? И йогурт? Я заплачу.

Янтунен уставился на лошадь, разинув рот:

— ...Сена... овса...

— И йогурт. Он очень полезный.

Человечек то открывал, то закрывал рот.

— Да... нет... сено... а йогурта нету... Однако...

Лошадь приободрилась. Здесь найдётся еда, а может, даже и ночлег. Облака стано-

вились всё чернее; надвигались сумерки. Как чудесно будет наконец-то растянуться в сухой конюшне, где пахнет сеном! И Лошадь с надеждой посмотрела на человечка:

— Я могла бы и за ночёвку заплатить. — Она подумала и прибавила: — Например, одну марку и двадцать семь пенни.

Янтунен издал что-то похожее на стон.

— Скажем, тридцать семь пенни, — поспешно поправилась Лошадь. — Я слышала, что цены подскочили. Я ведь тоже читаю газеты.

Янтунен взмахнул руками и, не сказав ни слова, засеменял к постройке, похожей на конюшню. Лошадь, счастливая, следовала за ним.

«Как всё удачно устроилось, — думала она, — дела идут на лад, если умеешь терпеливо ждать. Это не мешает запомнить». И она рассмеялась.

Янтунену было совсем не до смеха. Лошадь вызывала в нём просто ужас. Но понемногу в его голове стали просыпаться безмолвные чёрные замыслы. Они всегда там дремали. Хотя разговор с Лошадью и обескуражил Янтунена, но, с другой стороны, он чуть не прыгал от радости. Потому что боль-

ше всего на свете — кроме охоты и плевков в длину — Янтунен любил деньги.

«Говорящая лошадь! — думал Янтунен, окидывая Лошадь оценивающим взглядом. — А что если отвести её в цирк? Только сначала связать надо. А потом можно арендовать передвижной домик, колесить с лошадью по всей Финляндии и показывать её людям. За билет брать по одной марке... нет, по две! И детей бесплатно не пускать ни в коем случае! Заработаю кучу денег».

Янтунен раззадоривался всё больше. Нужно было только хорошенько обмозговать, как поймать её.

Придя в конюшню, Янтунен завёл Лошадь в пустое стойло и принялся кидать ей охапки сена. Лошадь ела. Ну и ела же она! Янтунен аж вспотел, а на его ладонях от вил даже пузыри вздулись. Наконец Лошадь наелась до отвала. Очень довольная, она свесила голову и поглядела на Янтунена почти с нежностью. Янтунена лихорадило. Он торопливо буркнул:

— А теперь плати! Только наличными!

Янтунен сказал это как бы понарошку и просто обомлел, увидев, что Лошадь вытаскивала кошелёк. Она аккуратно выкладывала

обещанную плату на маленький дощатый столик прямо перед его носом:

— Марка тридцать пять... тридцать шесть... тридцать семь пенни! Большое спасибо! А теперь, когда я расплатилась, где я смогу поспать? Ах да! Чуть не забыла. Вот ещё десять пенни — за сено.

Онемевший Янтунен взял деньги и засунул их в карман, не пересчитав, что было совсем не в его обычае. Но скоро в глазах его опять зажёгся огонёк. Лошадь хотела спать... Конечно! Когда она заснёт, её легко будет связать. И когда она будет связана, можно без помех обдумать, что с ней делать. А теперь действовать — быстро!

— Вон там, в дальнем углу конюшни, — подходящее место. И... того, — добавил Янтунен после минутного раздумья, — меня зовут Янтунен!

Лошадь поскребла пол копытом и сказала:

— Лошадь! Хотя когда я была поменьше, меня звали Хильда. Но это запоминать не обязательно.

И она тут же прилегла, потому что очень устала. Но сначала сняла вязаную шапочку, шарф и сапоги и положила шарф под голову вместо подушки. Потом закрыла глаза и

мгновенно уснула. Янтунен ликовал. Нужно только отыскать канат, и тогда... Перед взором Янтунена уже маячила куча денег высотой с лошадь.

Янтунен со всех ног помчался из конюшни к избе, припоминая, где у него припрятан канат. Он привяжет лошадь, как собаку. Нет — как лошадь! Янтунен ворвался в дом с такой скоростью, что ударился головой о притолоку. На мгновение он ослеп, но мысль о лошади прогнала боль. Янтунен даже ухмылялся своему везению. Если он обстряпает всё, как надо, то скоро денег у него в кармане хватит на целую яхту. И тогда — горе тем, кто пинал Янтунена. Настанет его черёд пинаться.

Лошадь спала. Она спала глубоко и сладко — спала, как каменный дом. И вдруг проснулась, потому что кто-то невыносимо щекотал её ухо.

Лошадь вскочила и замотала головой. Что-то маленькое и чёрное с писком метнулось из уха в кучу сена. Она наклонилась и увидела крохотную чёрную мышку. Мышка пропищала что-то и строго уставилась на Лошадь.

— Для чего ты забралась ко мне в ухо? — спросила Лошадь и наклонилась пониже.

— Убегай! — зашептала мышь. — Янтунен задумал недоброе. Он собирается схватить тебя и отвести в цирк. Сейчас он в избе как раз ищет канат, чтобы тебя связать. Мне только что сообщили по телефону.

Лошадь испугалась. Беспокойно оглядываясь, она повернулась кругом. Там, где раньше виднелся проём, была закрытая дверь. Лошадь попробовала отворить её, но дверь не поддавалась. Этим путём не выбраться. Снаружи уже слышались шаги. С колотящимся сердцем Лошадь притаилась у косяка. Дверь приоткрылась.

— А сейчас... только медленно и тихо... — приговаривал сам себе Янтунен, сматывая канат. — Что такое? Её больше нет на месте! Только что она там спала!

Янтунен обернулся. Он вскрикнул и выронил канат — Лошадь стояла прямо перед ним, и в глазах её была угроза.

— Спасите... Брысь... Не подходи... Помогите! Зверь!

Лошадь, всхрапывая, медленно надвигалась на Янтунена. Он стремглав кинулся к сену и стал зарываться в него, точно крот.

Вскоре от Янтунена остался только голос, который становился всё громче и громче:

— Я больше не буууудуууууу!!!!

Лошадь в изумлении смотрела на сенную кучу, съевшую Янтунена. От такого противного ведь может и живот вспучить. «Ухожу! — решила Лошадь. — Пусть его!» Она сердито, длинно заржала и вышла вон. И задвинула тяжеленный засов. Пусть теперь Янтунен удивляется. Лошадь улыбнулась.

Но улыбка быстро угасла, потому что снаружи смеркалось.

«Куда мне теперь идти? — пригорюнилась Лошадь. — Здесь никак нельзя оставаться... Приближается полночь. Наверняка замёрзну».

Ей захотелось плакать. Она так долго была домашней лошадью, что забыла, каково это — стоять под деревом да дождь подпирать. Огромные слёзы текли по щекам Лошади и падали куда-то в темноту.

Вдруг снизу донёсся сердитый писк, Лошадь нагнулась и увидела Мышь, которая верещала изо всех сил:

— Кто это смеет поливать меня! Я тебя! Как дам по морде!

Мышь ещё много чего наговорила.

Лошадь постаралась её успокоить. Она ласково обратилась к Мыши и рассказала ей о своих горестях. Когда Мышь услышала, каким образом Лошадь попала в эти края, она немедленно принялась что-то обдумывать. Потом велела подождать и пропала — будто её и не было. Лошадь слушала, как шумит лес, и ей становилось всё страшнее.

Но в тот миг, когда совсем стемнело, большая луна выплыла из-за туч — круглая и желтая, как грейпфрут. Лошадь облегчённо вздохнула. Теперь хоть что-то видно. И тут вернулась Мышь.

Она принесла большущий лист бумаги, его помогали тащить четыре мышки. Вслед за ними появилась ещё одна, она правила тележкой, в которую была запряжена кошка. А в тележке лежали трубка, напоминавшая карманный фонарик, и ещё штукovina, похожая на часы.

Процессия остановилась; чёрная Мышь подкатилась под самые ноги Лошади и завопила во всю мочь, чтобы Лошадь расслышала:

— Мы хотим тебе помочь! Янтунен давно нас изводил, и сегодня мы первую ночь смо-

жем спать спокойно. Вот тебе карта — с её помощью ты доберёшься в безопасное место. И фонарик. И компас — на случай если собьёшься с тропинки. Спасибо! Счастливого пути!

Лошадь растрогалась. Она наклонилась, взяла фонарик, карту и компас и очень вежливо поблагодарила. А потом чихнула. Прохладный ночной ветер уже давно щекотал пёрышком её нос.

Этот чих опрокинул Мышь на землю. Она вскочила, возмущённая:

— Просто скандал! Так-то платят за добрые дела? Убирайся отсюда сейчас же, дылда, уродина противная!

Лошадь повесила повинную голову:

— Я ведь не нарочно! Это нечаянно так вышло! — И опять чихнула.

Чёрная Мышь упала на колени, придерживая обеими руками шляпу.

— Я больше не выдержу, — стонала она. — Прочь. Исчезни. Прощай. И никогда больше не приходи. И зачем я только взялась тебе помогать?!

Лошадь была смиренница. Она послушно повернулась, чтобы уйти, взмахнула хвостом

том — и повалила остальных мышей. Заметив это, Лошадь не стала медлить, а опростью кинулась прочь. Успокоилась она только в лесу. Остановилась под большой елью, включила фонарик и начала изучать карту. Сперва нашла тропинку. «Потом должно быть болото, за болотом большой валун, а сразу за ним — сенной сарай. Там, наверное, можно заночевать, — размышляла Лошадь, — а утром опять в дорогу. Может быть, всё ещё обернётся к лучшему».

Лошадь попыталась определить направление по компасу, она долго с ним провозилась, но ничегошеньки не поняла. С тем и отправилась дальше по тропинке, — в конце концов, сеновал сам найдётся. Луна время от времени появлялась над лесом, но потом скользнула за тучу и исчезла совсем. Мир потемнел. Карманный фонарик не слишком-то ярко его освещал. И тут тропинка стала медленно проваливаться.

«Это, наверное, болото», — догадалась Лошадь; её душу и сердце охватил томительный страх. Она решила преодолеть себя и продолжала идти вперёд, но каждый шаг уводил всё глубже в чёрный, засасывающий мрак.

«А вдруг я заблудилась и иду прямо к гибели? Скоро мне будет не вытащить ног из этой жижи!» Она остановилась. И подумала о маме.

Луна объявилась из-за тучи, облила всё вокруг мягким сиянием, и Лошадь увидела невдалеке огромный валун.

— Вперёд! — приказала она ногам и напрягла все силы. — Там должна быть сухая земля!

Тропинка постепенно подымалась, копыта уже ступали по твёрдой земле, и наконец Лошадь оказалась возле валуна. Она выдыхала пар в холодный ночной воздух. Спасена! Не может быть!

Она не верила своим глазам: из-за валуна виднелось что-то вроде сарая. В точности как обещала карта.

Лошадь дотопила до сарая и заглянула внутрь. Там витал волнующий чудесный запах клевера и тимopheевки. Лошадь легла на бок в санный ворох, глубоко вздохнула — и заснула, как младенец.

Лошадь проснулась оттого, что захотелось есть. Во сне она уплетала всё подряд — от тимофеевки до клубники с молоком. Лошадь поднялась и огляделась. Было уже светло, и когда она прислушалась, то ей показалось, что лес снаружи свистит, как сотня птиц с одинаковым голосом.

«Должно быть, сейчас весна, — подумала Лошадь, — птицы весной поют». Она выглянула наружу и разочаровалась: в лесу не было ни единой птички, слышался только ровный, сильный гул ветра в ветвях деревьев. Лошадь замёрзла и принялась расхаживать взад-вперёд, чтобы согреться. Голод одолевал всё сильнее.

Она пригляделась к месту своего ночлега и вдруг сообразила, что спала в ворохе настоящего сена!

— Вот это случай, — удивилась Лошадь, — я ведь могу съесть свою постель!

Она ухватила порядочный пук сена, другой, третий... Челюсти мололи вовсю, а глаза сияли счастьем.

Но когда голод был утолён, вернулась тишина, а с нею — странное неуютное чувство. Лошадь вспомнила свой дом, одеяло, книги. Вспомнила, как бурчал холодильник и потрескивала в холодные дни батарея. А какая мягкая была там постель!

«И зачем я ушла из дому, — расстроилась Лошадь, — мне теперь никогда уже не вернуться обратно! Снова идти мимо Янтунена я не решусь — кто знает, какие он там плетёт козни. А другой дороги нет. Буду остерегаться людей!» — решила Лошадь, сердито фыркнув. И снова прислушалась: в ушах стоял только ровный шум дождя. Капли стучали по крыше сеновала. И она заплакала; хорошо ещё, что не начала громко всхлипывать.

— Что мне теперь делать, — шептала Лошадь, — куда же идти? Что со мной будет — с несчастной, одинокой и бедной маленькой лошадкой?

Лошадь слушала собственные причитания, и ей становилось всё грустнее.

— Чего ты плачешь? — слышался тоненький голосок откуда-то с пола. Лошадь так испугалась, что даже попятилась.

— А ты где? — спросила Лошадь, пытаясь разглядеть, кто это, но в сарае никого не было. Правда, рядом с Лошадью лежала кучка яблок, которую она раньше не заметила, но яблоки ведь не разговаривают. А эти разговаривали, да ещё и шевелились в придачу. Кучка потихонечку пододвинулась к самым ногам Лошади, и, покуда она, ничего не соображая, разглядывала яблоки, из-под них высунулось маленькое чёрное рыльце с глазами-пуговками. И яблоки сказали:

— Я не какая-нибудь говорящая куча яблок, а Ёжик! Этой осенью уродилось так много яблок, что, пока я пробегал ночью по саду, ветер вон сколько их натряс мне на спину! Счастье ещё, что я жив остался! Теперь вот не могу снять их с иголок. Но это тебя, конечно, не интересует. — И Ёжик вздохнул. — Чего ради ты станешь мне помогать?

Лошадь подумала немножко. Для начала она понюхала яблоки, осторожно потянула одно зубами и нечаянно съела. Какое же оно

оказалось чудесное — терпкий свежий вкус холоди́л во рту. Белый налив!.. Лошадь съела ещё одно... Антоновка! Вне всякого сомнения! Третье было неизвестного сорта, но тоже вполне съедобное. Лошадь не успела и глазом моргнуть, как слопала все яблоки со спины Ёжика. Чуть было и его не слопала.

— Смотри, меня не проглоти, — предостерег Ёжик, — а то как взъерошу иголки — ни за что не вытащишь из глотки! И вообще, держись-ка лучше подальше.

— Извини, — сказала Лошадь, — просто яблоки были такие вкусные! Я очень давно не ела яблок.

Тут Лошадь вспомнила, как когда-то, ещё жеребёнком, заблудилась в яблоневом саду. И так расчувствовалась, что стала рассказывать Ёжику, как и почему она очутилась на сеновале.

Ёжик слушал, опасливо поглядывая на неё: он не привык вот так, ни с того ни с сего, дружить с незнакомыми. Но история Лошади тронула его. Когда та закончила, Ёжик медленно, будто брал за каждое слово плату, изрёк:

— Надо подумать... — и надолго замолк. Наконец какая-то мысль, кажется, добралась до его мозгов. И он превратил эту мысль в медлительные слова: — Ты говоришь, мыши дали тебе карту? Покажи!

Лошадь протянула Ёжику карту, и он порядочное время изучал её. Лошадь думала — зря: вряд ли Ёжик разбирается в картах. Но тот откашлялся и произнёс:

— От сеновала тропинка ведёт к реке, от реки в гору. А за горой — конец, по крайней

мере на карте тропинка там кончается. Там написано ясно: «Молокозавод». Туда тебе и нужно идти.

Лошадь уставилась на Ёжика, а он на неё. Похоже, он был так же обескуражен.

— Молокозавод... — повторила задумчиво Лошадь. — Но разве там не коровы живут?

— Ах да! — обрадовался Ёжик. — А то мне помнилось, что молокозавод — это какая-то мельница. Пожалуй, ты права. Хотя... коровы на молокозаводе не живут. Они просто каким-то образом имеют к нему отношение...

И Ёжик опять надолго задумался.

Лошадь огорчилась:

— Ну какая же я корова — я ведь не даю молока. Мыши нарочно меня обдурили. Коровы! Уж лучше кузнечик, что ли!

Ёжик представил, как доят лошадь, и заулыбался:

— Правда! Ты не корова. Но всё-таки карта указывает путь туда. Ведь ты же не останешься здесь?

Лошадь выглянула на улицу. Дождь ненадолго перестал, но буря бросала деревья на колени, заставляя их просить пощады, а хо-

лодный сквозняк лез во все щели сеновала. Лошадь вздохнула. Действительно, ничего не поделаешь, надо идти дальше. Она выудила из кармана компас и начала ориентироваться. Покрутив шкалу так и сяк, Лошадь обнаружила, что стрелка компаса указывает прямо на неё. Но ведь по направлению к себе невозможно двигаться — слишком близко. Она попробовала снова — результат тот же. Лошади стало неловко; она даже не решалась взглянуть на Ёжика.

Ёжик схватил компас и тоже начал крутить.

— Хм... пятьдесят два градуса... почти. Нам нужно идти вон туда!

Он взял у Лошади карту и, шурша иголками, затопал к выходу. Лошадь затопала следом. Во дворе Ёжик отдал ей компас. Она посмотрела, куда указывает стрелка: в самом деле, туда уходила и тропинка.

— Спасибо! — сказала пристыженная Лошадь. — Думаю, что дальше я сама справлюсь.

Ёжик покосился на неё:

— Я мог бы немножко проводить тебя. Здесь я никому не нужен. Я даже могу быть

тебе полезен. Но... вряд ли я смогу долго идти за тобой. У тебя, наверное, шаг широкий.

— Прыгай ко мне на спину, — обрадовалась неожиданной компании Лошадь. — Я тебя повезу. Ты, кажется, совсем лёгкий — вряд ли я даже почувствую.

Ёжик ничего не имел против, хотя он никогда в жизни не катался верхом.

Он сходил за своим рюкзаком, упаковал его и был готов. Но как взобраться на лошадиную спину? Ёжик совсем не был похож на альпиниста, а Лошадь рядом с ним казалась настоящим великаном. После недолгого совещания они направились в угол сеновала. Лошадь нашла стремянку, приставила её к стене, и Ёжик, пыхтя, полез по ней наверх.

— Ну, уже? — спросила Лошадь.

— Ага! — закричал Ёжик.

Но в последний момент его лапка соскользнула, и он издал такой ужасающий вопль, что Лошадь шархнула. И конечно, он свалился именно туда, где лошадиной спины уже не было.

Ёжик выглядел довольно жалко, когда кое-как поднялся с земли. Но что-то заставило

его попытаться снова. Он фыркнул и опять принялся карабкаться на стремянку. На этот раз Лошадь решила ни в коем случае не шевелиться. Она терпеливо ждала. И наконец ощутила, как что-то лёгкое и колючее опустилось ей на спину. Некоторое время Ёжик возился и царапался, а потом произнёс слабым голосом:

— Теперь всё в порядке. Поехали. Сначала к той большой берёзе. Туда и тропинка ведёт. Но только, — добавил Ёжик робко, — поедem потихоньку. У меня голова немножко кружится.

Лошадь натянула вязаную шапку на уши — потому что они легко простуживались — и осторожненько двинулась в путь. Ёжик вначале испуганно ойкал, но вскоре приутих. А потом взглянул вниз, на землю, и ужаснулся.

— Ни за что бы не полез на спину Лошади, если бы знал, какая здесь высота! — заканючил он и крепко вцепился в лошадиную гриву. — Мне нельзя думать, что я упаду, потому что тогда я упаду, — бубнил Ёжик, словно молился. — Нельзя показывать, что мне страшно, потому что тогда станет страшно.

Только вперёд — в путь, к неизведанным местам и молокозаводам! Хорошо иногда поглядеть на белый свет. Назад всегда успеешь вернуться!

Эта мысль успокаивала. Ёжик уже чинно смотрел вдаль, он почти перестал бояться, потому что Лошадь старалась ступать мягко, как в валенках.

«Нельзя же потерять штурмана, — думала Лошадь, — особенно если путешествуешь по незнакомой местности». И принялась насвистывать. Она насвистывала совсем тихонько, чтобы нечаянно не напугать Ёжика.

Река появилась неожиданно. Тропинка свернула за скалу — а там чёрная вода с бешеной скоростью неслась куда-то. Лошадь смотрела на неё в недоумении. Окунула в воду копыто, но тут же вытащила — холодная как лёд. Не хочется в такую входить. Тут Ёжик забормотал что-то, и Лошадь навестила уши.

— Надо бы плот. Или лодку. Или что-нибудь другое — брод хотя бы. Это от дождей река стала такая широкая. — И Ёжик растерянно зашелестел картой.

Лошадь не знала, что сказать. Она поглядела на воду. Казалось, холодный тёмный поток смотрит на неё, издеваясь: «Не войдёшь!» Лошадь рассердилась. Какая-то вода смеет останавливать её — свободную и дикую дочь лесов!

«Вот возьму и перейду!» — решила Лошадь. Она бросилась в воду и зашлёпала к

другому берегу. Ёжик отчаянно протестовал, но его голос тонул в шуме порогов и плеске воды.

Но вскоре Лошади пришлось остановиться. Вода с силой напирала сбоку, и дно уходило всё глубже. А какие скользкие были камни! Лошадь почувствовала, что течение начинает сносить её. Ещё мгновение она боролась и, стиснув зубы, твердила себе: «Плы-ви вперёд!» Но вдруг вспомнила про Ёжика, сидевшего на её спине, и похолодела. Ведь Лошадь даже не знала, умеет ли он плавать. Медленно, шаг за шагом, она стала пятиться. Ноги скользили, но, напрягая все силы, она удержала равновесие и наконец оказалась на берегу. Она зачоченела и дрожала. А чёрная вода, бурля, всё текла и текла — мрачная и бесконечная.

«Она сильнее меня, — подумала Лошадь, — хоть и неживая... Не понять мне этого! — У неё зуб на зуб не попадал. — Нам ни за что не перебраться на тот берег. Нужно бы как-то согреться, иначе я пропала», — догадалась она и встряхнулась так, что брызги полетели во все стороны. Вместе с ними полетел и Ёжик.

— Опяты! — огорчилась Лошадь. — Почему я сначала делаю что-нибудь, а только потом думаю?

Она бросилась к Ёжику, полная раскаяния. К счастью, не похоже было, чтобы тот ушибся. Он потихонечку встал и ощупал себя, чтобы убедиться, всё ли на месте...

«Хорошо, что я вообще ещё живой», — подумал Ёжик. После бултыхания в реке падение с Лошади показалось ему просто забавой.

Он хотел было тут же объявить, что не собирается продолжать путешествие до молокозавода, а вернётся обратно на свой сеновал, но, увидев, какими глазами смотрит на него замёрзшая Лошадь, передумал. Достал из рюкзака спички, просмоленные щепки и топорик. Потом живо набрал сухих веток и сучьев, сложил их у большого камня и принялся разводить костёр. Он умело наструтал смоляные щепки и поджёг их. Постепенно огонь охватил и сучья, и ветки, а потом занялись, шипя и дымя, сырые стволы, которые Лошадь притаскивала из лесу. Тепло понемногу начало разливаться вокруг костра.

А когда Ёжик вдобавок набрал воды в котелок и поставил кипятить чай, жизнь стала казаться совсем неплохой. Дрожь потихоньку отступила, и приятный жар защекотал кожу. А крепкий чай с сахаром согревал Лошадь изнутри. Ёжик задумчиво смотрел в свою кружку. Лошадь была так счастлива, что даже забыла поблагодарить Ёжика. Но он почему-то был даже рад этому.

— Это мой отец научил меня разводить костры, — тихо проговорил Ёжик. — Его прозвали Тундровым Волком. Я не знаю, как ёж может быть волком, но уже с детства довелось мне ходить с ним в походы. Честно говоря, мне это тогда не слишком нравилось. — Ёжик помолчал. — Но кое-чему я всё-таки научился. Хотя через реку раньше не переходил. Отец воды не любил. Он чувствовал себя спокойно только вблизи ручейка, из которого можно было разве что набрать питьевой воды.

Такой длинной речи Ёжик не собирался произносить, а потому совсем примолк и ждал, чтобы Лошадь в свою очередь что-нибудь сказала. Но та молчала. Она наблюдала за большущей чёрной вороной, которая

появилась возле костра. А ворона, вертя клювом, внимательно смотрела на неё. Но вдруг заметила Ёжика. Ворона отпрянула назад; в ту же минуту все иглы Ёжика встали дыбом.

— Вы что, знакомы? — поразились Лошадь.

— Да уж, знаю я ежей, — проскрипела Ворона, — и ежи, думаю, ворон знают.

— Это правда, — согласился Ёжик, — хотя я ни разу не разговаривал с вороной.

Лошадь всё пыталась понять, в чём тут дело. Ворона чистила перья, с интересом поглядывая на костёр, особенно на чай.

«Может, Ворона совсем и не опасна, — думала Лошадь, — по крайней мере, вид у неё безобидный».

— Не хочешь ли чашечку чаю? — обратилась она к Вороне. — Я могу уступить тебе место у костра. День сегодня довольно прохладный. Я сама чуть было не простудилась, когда входила в реку — слегка испугнуться.

Ёжик собрался возразить, но раздумал. Он медленно отошёл в сторонку, топорща иглы. Ворона всё время внимательно следила за ним, но подсказывала всё ближе и ближе к костру. Она взяла протянутую Лошадью чашку и, пожав плечами, окунула туда клюв. Послышалось урчание и чмоканье. Потом Ворона вытащила клюв и поставила пустую чашку перед Лошадью.

— Спасибо. У меня сегодня выдался тяжёлый день. Это было недурно. Если, конечно, это был и вправду чай... — сказала Ворона, растягивая слова, как резинку.

Лошадь воззрилась на Ворону. Неужто чай ей не понравился? Ворона многозначительно улыбалась. Это была большая птица. Чёрные перья влажно блестели, серая рубашка была

из мягкого льна, а на ногах красивые сапожки из наилучшей кожи. Видно было, что Ворона знает себе цену. Она горделиво повела головой. Её чёрные глаза сверкнули, когда она заговорила:

— Мы сидели на берёзе — я и моя подруга — и обсуждали, чем заняться на следующий день. Я как раз предложила развлекательный полёт в город — и в это время в нас начали стрелять. Двое людей подкрались сквозь соседний ельник совсем близко. Ах, как мы напугались! Я металась туда-сюда — измучилась до полусмерти.

Иглы Ёжика медленно улеглись, — видимо, он успокоился. Лошадь была довольна. Она допила чай и в свою очередь рассказала Вороне, почему оказалась здесь: об очках, о Янтунене, Ёжике, о карте и молокозаводе — обо всём. Под конец рассказала и о том, как решила перейти реку и еле-еле спаслась. Ворона время от времени каркала. История её заинтересовала.

— Минуточку! — сказала Ворона и взмахнула крыльями. — Обождите. Может, я что-нибудь придумаю.

Она взлетела на вершину высокой ели и так оглушительно закаркала, что Ёжик с Лошадью дружно заткнули уши; иглы у Ёжика опять встали дыбом; на одной из них, как военный стяг, развевался жёлтый берёзовый лист.

Ворона вскоре умолкла и спланировала обратно на землю, но прежде, чем Лошадь успела раскрыть рот, воздух засвистел от взмахов сотен крыльев, и вороны одна за другой стали приземляться на поляну. Куда бы Лошадь ни взглянула, на неё смотрела ворона; деревья вместо опавших листьев вдруг украсились гроздьями чёрных «плодов». Лошади стало страшновато.

Большая Ворона угадала её мысли:

— Не бойся! Вы помогли мне. Может быть, я тоже смогу вам помочь.

И закаркала, — наверное, описывала ситуацию остальным воронам. Те долго галдели — поочерёдно, вразнобой и хором: «Кррраак!», «Кррруук!», «Карррай — кррооу!» Лошадь ничегошеньки не понимала.

Наконец большая Ворона протяжно произнесла:

— По слухам, на том берегу, напротив заводи, есть паром. Раньше его перетягивали

канатом, но течение оборвало канат, и он валяется где-то. Мы попытаемся перенести его сюда — тогда вы сможете подтянуть паром к этому берегу.

Лошадь обрадовалась — вот это мысль! Ёжик быстренько упаковал свой рюкзак, старательно загасил костёр, и они двинулись вдоль реки. Внезапно река утихомирилась и превратилась в большую спокойную заводь, тёмную и холодную, как обиженный взгляд. Ворона прокаркала что-то — остальные взвились в воздух и полетели на противоположный берег. Через минуту они уже возвращались длинной цепочкой, держа в клювах толстый канат. Через мгновение он оказался у Лошади. И только она потянула за конец, как из зарослей показался плот; медленно причалив к берегу, он заскрежетал о песок и остановился.

Лошадь обрадовалась — будто подарок получила. Как в Рождество. Она на разные лады благодарила Ворону и собралась даже поклониться, но сообразила, что это будет выглядеть немножко смешно. Ворона была явно польщена. Она каркнула, и остальные вороны взлетели и вмиг пропали из виду.

Большая Ворона поглядела на Лошадь свысока и промолвила:

— Мне кажется, что теперь вы во мне нуждаетесь. Я, так и быть, отправлюсь с вами, если вы очень вежливо попросите. Я могу быть очень и очень полезной. Мы, вороны, умеем многое, как вы, вероятно, уже поняли. Мы самые умные из всех птиц. Да-да! И возражать бесполезно — это написано в толстых книгах!

Лошадь не знала, что и сказать. Вообще-то, она ничего не имела против Вороны, но компания увеличивалась так быстро, что становилось вроде бы неудобно.

«Однако Ворона нам помогла, — подумала Лошадь. — И говорила дельно. Она будет у нас вперёдсмотрящим. А то компасу не всегда можно доверять».

Лошадь кивнула и подумала ещё немножко. Взглянула на Ёжика; казалось, и он был не против.

— Ладно, договорились! — сказала Лошадь. — Добро пожаловать! И ещё раз спасибо. Без тебя нам было бы не перебраться.

Ворона ответила, что тоже так считает. И тут же хрипло закаркала:

— В дорогу! Скоро стемнеет! Поторопитесь! — И разом перемахнула через плёс.

Лошадь с Ёжиком вскарабкались на плот; Лошадь принялась подтягивать канат. Довольно быстро плот уткнулся в противоположный берег. Как легко они одолели реку! Лошадь даже расхохоталась. Вот что значит настоящие путешественники! Ёжик, похоже, подумал о том же самом.

Уже смеркалось, и Лошадь приустиала. Здесь было превосходное место для лагеря: под защитой сосен, возле тихого затона, где можно даже порыбачить. А в лесу полно сухого валежника. И вот уже потрескивал разведённый Ёжиком костёр, а Лошадь тем временем мастерила из веток навес для ночлега. Она укладывала ветки внахлёст, стараясь приладить их поплотнее — чтобы не проникал дождь. Потому что весьма неприятно спросонок очутиться в луже.

Когда заваренный Ёжиком чай был выпит, Лошадь решила отправиться на рыбалку. Она выдернула из гривы волосы и сделала из них длинную леску. Ёжик загнул свою иголку, чтобы получился крючок, Ворона выкопала из-под корня сосны червяка, а из ко-

ры сделала поплавок. В прибрежных зарослях отыскался гибкий берёзовый прут — вот удочка и готова.

Ворона летала над затоном и, заметив рыбу, сигналила Лошади, чтобы та забрасывала приманку туда, куда нужно. Ёжик готовил рыбу на горячих углях. Он даже смастерил из иголок решётку и поджаривал рыбу на гриле, как настоящий повар. Поужинав, они долго сидели у костра. Лошадь тихонько постукивала по полому дереву, Ворона подкаркивала, Ёжик гремел иголками и дудел на расчёске. Вечер был тёмный, костёр грел. Им было очень хорошо.

ЖИЖИ

Лошадь разбудил запах дыма. Она всполошилась — неужели огонь убежал? — и вскочила, но увидела только Ёжика у дымящего костерка. Ёжик приветливо кивнул и снова углубился в приготовление утреннего чая.

«Огонь маленький и жаркий», — думал Ёжик. Он вспомнил, как давным-давно сидел у костра вдвоём с папой. Ёжик сунул в костёр ветку и наблюдал, как пламя медленно карабкается по ней, пока от ветки не остались только угольки и пепел.

Лошадь решила сразу же приняться за дела. Она основательно зевнула и для пробы немножко поскакала по берегу. Потом хорошенько встряхнулась всем крупом — и вдруг сообразила, что чего-то не хватает. Сама она осталась прежней, но вокруг образовалась странная пустота... Нигде не видно было Вороны.

«Наверное, ей надоело, и она вернулась к сородичам, — подумала Лошадь. — Можно было сразу догадаться. Ну что ж, бывает. Ворона нам очень пригодилась бы в путешествии. Теперь пойдём дальше с Ёжиком... А если нам опять преградит путь река?»

Лошади не хотелось думать дальше.

— Доброе утро! — вдруг произнёс кто-то над самой головой Лошади.

Та взглянула вверх и увидела на сосне знакомую птицу в чёрном пальто. Ворона чистила свой вязаный жилет кончиком ветки, задумчиво поглядывая на небо.

— Может пойти дождь! — прокаркала она. — Пора уходить. Не очень-то приятно летать под дождём. К тому же придётся переваливать через гору — а это не в игрушки играть. Особенно вам двоим.

Лошадь смутилась. Ну конечно же! Лошади спят на земле, а птицы на дереве, иначе что же это за птицы! Могла бы сразу сообразить.

Ворона опустилась Лошади на спину, и они вместе подошли к костру. Ёжик всё ещё сидел, уставившись на огонь, и вздыхал; взгляд у него был отсутствующий. Лошадь взяла себе

чашку чаю, а другую протянула Вороне. И они обе отошли в сторонку, оставив Ёжика наедине с его мыслями. Лошадь пожевала травы и прополоскала горло холодной речной водой. Ворона со стороны наблюдала за её манипуляциями. Потом раскрыла клюв и объявила:

— Ну а теперь — в дорогу. Скоро подымется буря. Ты, конечно, не веришь?

— Возможно, — ответила Лошадь, поглядев на небо, в котором не было ни облачка.

Она с трудом удержалась от улыбки, но, чтобы сделать Вороне приятное, пошла к Ёжику — собирать вещи. Потом Ёжик загасил костёр, и они были готовы тронуться в путь.

Ёжик отыскал маленькую густую сосенку и с кряхтеньем пополз вверх по стволу. Лошадь замерла под деревцем. Ёжик перебрался на ветку, крепко зажмурил глаза и бросился вниз. К собственному удивлению, он угодил прямёхонько на лошадиную спину. Ворона вспорхнула и уселась позади него; Ёжик испугался, но решил не показывать виду. Когда Лошадь почувствовала, что его беспокойная возня утихла, она игогокнула:

— Прощай, наш лагерь, прощай, речка! Спасибо за всё!

Лошадь осторожно двинулась вперёд; Ёжик ориентировался по карте. Постепенно тропа пошла в гору. Деревья редели и мельчали, растительность казалась всё более чахлой. Тропинка вилась между могучих каменных глыб, поднимаясь выше и выше. Лошадь иногда останавливалась — перевести дух и ухватить немножко сухой травы. Хотя было по-осеннему прохладно, она вспотела и ей хотелось пить. Ворона, прикрыв глаза, покачивалась у неё на спине, как будто совсем не интересуясь, куда же они идут.

Порыв ветра сорвал с берёзы стаю жёлтых листьев, и Лошадь вздрогнула. Даже воздух изменился и как будто давил. Она остановилась и оглянулась. Вот это да! Никогда ещё она не забиралась на такую высоту. Внизу расстилалась необозримая равнина, на которой, словно на карте, лежали реки и озёра. Кое-где виднелись заплатки полей, избушки, дымок, поднимающийся из труб. Землю покрывал лес, местами тёмно-зелёный, а местами серый. Даль терялась в синем тумане.

Вид был настолько прекрасный, что Лошадь онемела. Это было как в раю — так совершенно и законченно. Хотелось протянуть копыто и потрогать. Но тут ворона хрипло закричала:

— Смотрите!

Лошадь взглянула наверх.

Плотная грозная череда туч показалась из-за вершины горы, и ветер вдруг словно проснулся. Издалека слышался нарастающий гул. Он напомнил Лошади шум речных порогов. Откуда бы им взяться на такой высоте? Но едва первые капли дождя ударили её по спине, она поняла, что это был за гул. Сразу потемнело, дождь и ветер разыгрались с такой силой, будто впервые вырвались на волю. Дождь хлестал потоками, и Ёжик с Вороной всеми силами старались удержаться на спине Лошади, а она, стиснув зубы, решила во что бы то ни стало продолжать путь.

Лошадь уткнулась головой ветру в подмышку и с трудом карабкалась всё выше. Дождь моментально вымочил её до нитки, но она не сдавалась.

«Ёжик и Ворона без меня пропадут. Ворона не сможет лететь, а Ёжик — идти. Я должна

шагать вперёд», — думала она. Ёжик что-то испуганно шипел, но шум бури перекрывал все звуки. Втянув плечи, Лошадь шаг за шагом двигалась вверх по тропе.

Но вскоре её силы начали убывать. Она и в юности-то была никудышным спортсменом; а сидячая работа и вовсе приучила её к лёгкой жизни. Ветер немного поутих, но дождь не унимался. И везде, куда ни посмотри, видно было только тёмное, низкое небо.

«Бог поливает свои посевы из самой большой лейки», — вспомнилось Лошади. Так говорила её бабушка. Но при этом добавляла, что после дождя обязательно светит солнышко. И всегда хотелось в это верить.

Лошадь пошатнулась и огляделась вокруг. Они были почти на самой вершине. Она заметила между двумя громадными валунами сухое местечко и решила передохнуть там и собраться с силами. Лошадь протиснулась дальше и остолбенела — в глубине виднелся проход, и он куда-то вёл.

— Это пещера! — догадалась она. — Вперёд!

Главное сейчас было — отдышаться и укрыться от дождя. Проход постепенно пре-

вратился в пещеру, куда чуть-чуть просачивался серый свет.

— Мы в безопасности! — выдохнула Лошадь и в изнеможении присела. Послышался стук: это Ёжик — уже в который раз — шлёпнулся на землю. Он заохал, но ещё громче заохал кто-то неизвестный, на которого Ёжик свалился всеми своими иголками. Раздался громкий визг, а потом такой лай, что все поняли — их ругают. Перед Лошадью, Вороной и Ёжиком вдруг выросла большая длинноухая Собака; глаза её горели в темноте.

— Кто смеет нарушать мой покой? — зарычала она, мотая хвостом. — Пробираются сюда, как воры, а потом ещё колются иголками! Это уж чересчур!

И кто знает, чем бы всё это кончилось, но тут Лошадь в страхе пошевелилась, и Собака заметила, до чего же та огромная. И когда Лошадь дрожащим голосом принялась объяснять, кто они такие и откуда пришли, Собака смягчилась. Она вообще-то не была злой, а просто испугалась. Собака разрешила Ёжику разжечь костёр и пригласила гостей прилечь на земляной пол. Лошадь, у которой

сердце всё ещё колотилось, с радостью приняла приглашение. Собака пошуровала по кладовкам и отыскала немного чёрного хлеба, а потом приволокла здоровенный кувшин с холодной водой. Ну и вкусно же было! Лошадь смаковала еду, как угощение на королевском пиру. Шум бури доносился в пещеру отдалённо и успокаивающе, и Лошадь почувствовала себя гораздо лучше. Только Ворона беспрерывно чихала.

Собака по очереди оглядела их своими большущими глазами.

«По правде сказать, вид у нас довольно плачевный и уж совсем не угрожающий», — подумала Лошадь.

И тут Собака тихонько заговорила: она поведала, что раньше жила в одной семье, потом семья эта переехала за границу, а её отправили в собачий питомник дожидаться нового хозяина. Только вот желающих приютить её никак не находилось — все считали Собаку слишком старой. В конце концов она поняла, что если не возьмёт судьбу в свои руки, то будет худо. И в одну прекрасную ночь прорыла лаз под забором и выбралась на свободу.

Лошадь одобрительно хмыкала, а глаза Ёжика странно увлажнились.

Ещё Собака рассказала, как тяжело было вначале жить на свободе. Дети швыряли в неё камнями и бутылками; охотники стреляли в Собаку, когда она пыталась добыть себе еду в лесу; всё приходилось делать самостоятельно, и никто ей не помогал. По счастью, она нашла эту пещеру, где и поселилась. И что самое замечательное, сообщила Соба-

ка, она нашла человека, которому могла доверять: летом на вершине горы поселялся Пожарный Сторож, и Собака дежурила вместе с ним. Зарплату она получала хлебом. Сторож был старик, который много повидал на своём веку и ничего больше не хотел получить от жизни. Он научил Собаку вырезать из дерева разные штуки, и она теперь коротала за этим занятием зимние вечера, когда становилось особенно одиноко. Так время шло быстрее.

Собака вытащила из костра головешку вместо факела и пригласила Лошадь следовать за собой. У дальней стены пещеры стояли её деревянные поделки. Собака, чуточку стесняясь, показывала их. Первая скульптура называлась «Тишина»: очень молчаливый маленький кусочек дерева лежал на подставке. Название другой было «Счастье»: две собачки спали рядом. Большая голова именовалась «Герой», и она была как две капли воды похожа на саму Собаку.

Лошадь задумчиво рассматривала фигурки, — оно конечно, всякими вещами можно заниматься... К тому же Собаке явно нравились эти деревяшки. Поэтому Лошадь побла-

годарила её и пожелала дальнейших успехов. Собака в смущении потупилась, но заметно было, что она жадно ловит каждое одобрительное слово.

«Как же нам теперь быть?» — подумала Лошадь и покосилась на Ворону. Та ничего не говорила, только усердно сморкалась и кашляла. Лошадь поняла, что от Вороны сейчас мало проку. Она взглянула на Ёжика, но тот сидел, уставившись в огонь. И Лошадь почувствовала себя немножко одиноко.

Она уселась на землю и задумалась: «Я оказалась здесь. И так много разного произошло с тех пор, как я ушла из дому. За всё время я не видела даже ни одной книжки, не говоря уж о том, чтобы что-нибудь прочесть...»

Лошадь вспомнила про свои очки и вздохнула. Тени костра беспокойно метались по стене.

Собака задремала; Лошадь изучающе разглядывала её.

«Чуткий у собак сон, — думала Лошадь, — хотя Собака вроде бы спит, она всё время настороже. Удивительно...» Лошадь для проверки подвигала ногой. Собака тут же приот-

крыла глаза. Увидев, что никакой опасности нет, она опять их сомкнула. Снова послышалось ровное дыхание.

Лошади стало скучнее скучного. Она подошла к Вороне и предложила научить её играть в «крестики-нолики». Клетки начертили на песке. Но Ворона сразу выиграла, и Лошади расхотелось продолжать. Она нашла в кармане карты и стала учить Ворону игре в «казино», но та опять выиграла. Лошадь даже рассердилась. Она показывала Вороне все известные ей игры, а та выигрывала их одну за другой, не оставляя Лошади ни малейших шансов на победу. Лошадь поглядела на карты и с досады швырнула их в костёр.

— Зря я их таскала с собой. Только лишний вес, — сокрушалась она, стараясь не замечать, как горделиво — несмотря на насморк — выглядит Ворона.

— Когда же мы, наконец, пойдём? — спросил внезапно Ёжик грустным голосом. — Я хотел бы уже быть у цели.

— Где? — спросила Ворона и чихнула. — На Луне, что ли?

Лошадь фыркнула на неё, но призадумалась.

— Хммм... нам, пожалуй, пора. Мы, наверное, мешаем Собаке.

Собака открыла глаза и спокойно промолвила:

— Вы мне не мешаете. Оставайтесь. Дождь будет идти всю ночь. К тому же в темноте не видно, куда идти.

Ворона каркнула и кивнула — разумно сказано. Лошадь тоже была согласна. Лица Ёжика не было видно, но казалось, что он очень опечален.

«Что такое с Ёжиком? — недоумевала Лошадь. — Может быть, он тоскует по прошлому?»

Костёр догорал, и пещера погружалась в темноту, дыша как большой зверь. Лошади стало чуточку страшновато. Она слышала, что Ёжик тоже не может уснуть: его иголки шуршали, когда он ворочался с боку на бок. Лошадь долго не засыпала, предаваясь своим думам — тихим, как ночь, покрывавшая всё вокруг.

Снаружи сияло чистое, ясное утро. Вместе с дождём исчезло вчерашнее плохое настроение, и Лошадь, насвистывая, поглядывала по сторонам. Ворона, против обыкновения, взлетала на головокружительную высоту и затем, паря, как воздушный змей, плавно опускалась обратно на лошадиную спину. Даже Ёжик робко улыбался.

Они обернулись помахать Собаке. Та понуро смотрела им вслед.

Лошадь пришла в замешательство. Неужели и Собака хочет отправиться с ними?

«Это уже становится похоже на турпоход, — подумала Лошадь. — Но с другой стороны — долгая, одинокая зима в пещере... нет, я бы не вынесла».

И Лошадь закричала:

— Эй, Собака! Где тут начинается тропинка? Ты не могла бы показать? Хочешь быть нашим проводником?

Ну и обрадовалась же Собака! Она стремглав пронеслась мимо них и рысью помчалась в гору. Лошадь едва за ней поспевала. Вскоре они были на вершине. Куда ни кинь взгляд, вид был такой ошеломляющий, что у Лошади даже дыхание захватило. Она показала себе просто малюсенькой лошадкой с почтовой марки.

Собака совсем не полубовалась на эту красоту: всё здесь было ей знакомо — даже слишком. Она уже мчалась во весь дух вниз, в долину. И Лошадь, стряхнув оцепенение, затрусила следом.

Спускаться было легко. Лошадь незаметно для себя принялась напевать и в конце концов загудела, как баян. Деревья росли в вышину прямо на глазах. За низким кустарником показались сначала скрюченные карликовые ёлочки, а за ними — кривые тонкие берёзки. И наконец лес, настоящий лес, принял их под свою сень. Глубокая зелень елей, влажная земля, журчание ручейков и свежий воздух — от всего этого Лошадь просто чуть с ума не сошла.

«Жить на природе — вот что мне нужно, — вдруг поняла она. — Это не то что в кресле сидеть!»

Она вдохнула поглубже и жестоко закашлялась, на целых пять минут. Хорошенького понемножку!

— Пе-ре-стань! — кричал Ёжик, и его голосок дрожал и прерывался в такт лошадиному кашлю. Наконец кашель утих. Щёки у Лошади горели.

«Видно, поначалу следует поостеречься, — подумала она, — не то со мною может приключиться всякая всячина».

И Лошадь осторожненько зашагала за Собакой.

Они поклонились маленькому ручейку и напились студёной воды; Лошадь смахнула пот со лба, и тронулись в путь. Ёжик сверялся с картой, посылал Ворону в разведывательный полёт, царапал что-то на бумажке — хотя всего этого совсем не требовалось. Собака бежала впереди по тропе стремительно, как поезд, не глядя по сторонам. И чем ниже они спускались, тем выше казалось всё вокруг. За деревьями уже завиднелся покос, потом миновали поле: канавы, окружавшие его, заросли лозняком. Рядом притулился скособоченный сеновал.

«Мы приближаемся к населённым местам, — сообразила Лошадь, — наверное, до мо-

локозавода уже совсем недалеко». Ожидание переполняло её.

Вдруг Собака предупреждающе тьякнула. Ворона взлетела разузнать, в чём дело, и моментально вернулась.

— Люди! — прохрипела она. — Скорее прячьтесь!

Лошадь ринулась в лес. Она решила прикинуться четырьмя сосенками с большим бурым камнем посредине. Собака куда-то подевалась. Голоса всё приближались. В последнее мгновение Лошадь набросила себе на голову клочок мха и другой — на ёжикины иголки и теперь стояла неподвижно. Ворона уселась на ветку и только поглядывала по сторонам. Она хотела изобразить ворону — и была уверена, что способна сыграть эту роль без особых усилий.

Сквозь просвет в ветвях Лошадь увидела двоих детей — девочку и мальчугана; они о чём-то спорили, продолжая идти вверх по тропинке.

«Послушные с виду, — подумала Лошадь, — и совсем неопасные».

У девочки в руках была берестяная корзина, а у мальчика — ножик.

«По грибы идут! — догадалась Лошадь. — Избегайте поганок и белых мухоморов, — мысленно посоветовала она, — их нельзя есть!»

Когда голоса ребят стихли вдали, Лошадь выкарабкалась обратно на тропу. Ёжик сразу сердито запыхтел:

— Сними сию же минуту мох с моих иголок! Я этого терпеть не могу! — И всё никак не хотел утомониться, как Лошадь ни убеждала его, что здесь могут встретиться всевозможные опасности.

«Наверное, Ёжик перепутался и сейчас грубит со страху», — предположила она, решив не обращать внимания на его капризы.

Вдруг как из-под земли возникла Собака:

— Скоро будет поле, а за ним — большущий дом. Вы пришли!

Она развернулась и, бросив напоследок какой-то умоляющий взгляд на Лошадь, медленно затрусила по тропинке обратно.

— Стой! — завопила Лошадь. — Остановись! Разве ты не собираешься дойти с нами до конца? Мы ведь не знаем, что там такое. Трое — хорошо, а четверо — лучше. Я была бы тебе очень признательна.

— А я обойдусь и одна! — фыркнула Ворона.

Собака страшно обрадовалась. Она взлайнула и припустила по тропинке с такой скоростью, что Лошадь, почувствовав себя просто черепахой, встряхнулась и заспешила следом.

Лес кончился, впереди был широкий луг. А сразу же за ним виднелось большое кирпичное здание, и его громадная дымовая труба торчала наподобие мачты корабля. Вдоль луга тянулась песчаная дорога, пустынная, как воскресное утро.

Собака давно успела добежать до здания и теперь увлечённо обследовала его. А Ворона уже сидела в дозоре на трубе. Лошадь прибавила ходу, запыхавшись, подскакала к Собаке и от усталости присела на задние ноги...

Плюх! — бедный Ёжик, разумеется, опять свалился наземь. И то, что он произнёс, поднявшись, показалось Лошади удивительно знакомым.

«Это, должно быть, молокозавод, — подумала Лошадь, когда к ней вернулась способ-

ность соображать. — Автомобилей на дворе не видно. Стало быть, здесь нет и людей», — заключила она.

В некоторых окнах стёкла были выбиты, черепичная крыша поросла мхом, а дорожки — травой. Даже по дороге стелились жухлые былинки.

«Заброшенное место — пустое, как рукав от пшубы», — размышляла Лошадь, оглядывая здание. Вид у него был совсем не страшный, а наоборот — истосковавшийся. Лошадь осмелела и подошла к двери. Легонько толкнула, и — смотри-ка — дверь со скрипом отворилась. Лошадь и сама не заметила, как очутилась внутри.

Маленький коридор вёл в высокий просторный зал. Шаги гулко отдавались в нём, и Лошади стало страшновато. Она принялась было беззаботно насвистывать, но ничего не получилось. Тогда она попыталась запеть «Хуммани-хей!», но позабыла все слова. Лошадь остановилась, и эхо остановилось вместе с ней, только немного медленнее — как и полагается настоящему эху.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнула Лошадь.

И эхо отвечало:

— Нибудь...

— Есть или нет? — снова крикнула она.

Эхо ответило тихонько:

— Нет...

Лошадь поверила и вышла на середину зала. В окна сочился пыльный серый свет, а от цементного пола несло сыростью.

Большие заржавленные молочные баки валялись у самой дальней стены, возле двери, — она, наверное, вела в другие помещения. Лошадь принялась и почуяла, что в воздухе всё ещё витает коровий запах.

«Может, здесь бродит заблудившийся дух какой-нибудь коровы? — засомневалась она. — Надо быть настороже». И наострила уши. Ни звука. Тихо, как во сне. Здесь и в самом деле никого не было. Уже давным-давно — никогошеньки.

Лошадь успокоилась и свистнула Собаке. Та вихрем ворвалась внутрь с Вороной на спине. Ворона подозрительно оглядывалась: после ночёвки в пещере врождённый страх перед закрытыми помещениями опять вер-

нулся к ней. Ёжик вошёл последним, осторожно отмеривая каждый шаг.

— Вот мы и на месте! — объявила Лошадь им и самой себе. — Мы добрались. Путешествие закончено. Карта, которую дала Мышь, тут кончается. Так что... вот. Мы остаёмся здесь. Или, может, кто-нибудь иного мнения?

— Оно такое большое... — прошептал Ёжик.

— И тут потолок! — заявила Ворона сварливым тоном.

Даже Собака казалась слегка растерянной.

— Что скажешь? — обратилась к ней Лошадь. — Неплохое жильё?

— Здесь нет дерева, из которого можно вырезать фигурки, — выдавила из себя наконец Собака, избегая смотреть Лошади в глаза. — Ты не обижайся, что я привередничаю, но ведь дерева-то нету...

Тут Лошадь поняла, что нужно быстренько что-то придумать, иначе она останется одна со своим молокозаводом. Именно теперь, когда она начала привыкать, что рядом есть друзья!

— Мы наверняка найдём здесь комнаты поменьше, для каждого — свою! — сказала Лошадь Ёжику.

— И погляди-ка: вон в потолке дырявое окно — прямо на улицу! — показала она Вороне.

— Мы наберём деревяшек в лесу и принесём сюда, в дом! — ответила она Собаке и смущённо умолкла.

Всё это звучало довольно разумно. Ёжик призадумался. И Ворона призадумалась, и Собака тоже. Наконец, один за другим, они начали осторожно соглашаться. Но Ёжик, казалось, опять засомневался.

— А зачем нам здесь оставаться? — спросил он. — А вдруг кто-нибудь придёт? А что мы тут будем делать?

— Ты-то в любой момент можешь выставить свои иглы! — сказала Ворона, покосившись на Ёжика. — Говорят, их даже медведи боятся!

— Меня немножко знобит, — вдруг пожаловалась упавшим голосом Собака, — и кушать очень хочется.

Лошадь что есть сил закрутила всеми шариками в голове — хорошо ещё, что не слыш-

но было, как они стучаются друг о друга. В самом деле, зачем они здесь?

Она решила ответить на этот вопрос:

— Я здесь потому, что потеряла мои очки... да! А Ёжик здесь потому, что мне нужен был штурман. К тому же Ёжик умеет разводить костры. Ворона прилетела, потому что думала, что нам без неё не справиться. Собака отправилась с нами, потому что мы нуждались в провожатом. А теперь, когда мы тут, — начнём что-нибудь делать!

Лошадь замолкла. Что-нибудь делать, конечно... только что? Она посмотрела в окошко. Печальное поле расстиралось там, как колючее одеяло.

— Давайте, например, обрабатывать землю! — воскликнула Лошадь. — Посадим кукурузу и рожь. Засеем луг фиалками. Будем выращивать огурцы и бруснику. У нас будет черничная ферма, — всё больше увлекалась Лошадь, и её фантазия пустилась галопом. — Засадим поле консервами в банках и сушёным черносливом! Будем ухаживать за ними всю зиму. А весной соберём урожай! — Лошадь в полном восторге смотрела на спутни-

ков. — Пусть это место станет нашим новым домом! Где уютно жить!

— Мне немножко хочется есть, — сказала Собака, пытаясь вернуть Лошадь к действительности: слишком уж та размечталась.

Лошадь улыбалась до ушей. Всё казалось ей необыкновенно простым и лёгким.

— Ну что ж, давайте искать съестное! — обрадовалась она. — Давайте принесём дрова, разожжём огонь, поищем воду. Поглядим сначала, что здесь найдётся, а потом снова поразмыслим. И после того как мы обследуем всё хорошенько — поймём, что к чему. Я могу притащить дрова. Кто пойдёт за водой?

Ёжик кашлянул.

— Кто осмотрит комнаты? — спросила Лошадь.

Собака согласно тявкнула.

— А ты что будешь делать? — спросила Лошадь у Вороны.

Ворона не отвечала и казалась недовольной.

— Я бы лучше отправилась на улицу, полетать. Хотя бы ненадолго, — уклончиво про-

молвила она. — А то комнатный воздух для меня душноват.

— Ну конечно, лети! — согласилась Лошадь. — И вовсе не требуется спрашивать разрешения. А если найдёшь что-нибудь полезное, прилетай сообщить нам. Ты нам здорово поможешь.

Ворона повеселела и тут же выпорхнула в открытую дверь. А Лошадь, довольная, огляделась по сторонам, закрыла глаза и пробормотала:

— Только не дай всему этому исчезнуть!

И когда она вновь открыла глаза — всё было на месте (не считая, конечно, Вороны). Лошадь ухмыльнулась, не сказав ни слова, и отправилась в лес. Потихоньку всё уладится. Лошадь была в этом уверена.

Она уже видела, как на грядках всходят ряды консервных банок, как кланяются ветру кустики, сизые от черники.

И как все они сидят вечерами у костра, и, может быть, даже поют... и рассказывают друг другу разные байки.

«У меня осталось полно нерассказанных историй, — думала Лошадь, — по крайней мере они их ещё не слышали».

И она стала припоминать самые интересные.

Лошадь шагала к лесу, а Ворона наблюдала за ней с верхушки трубы. Как только Лошадь скрылась в тени деревьев, Ворона поднялась в воздух и устремилась ввысь — под ближайшее облако. Она расправила крылья — так широко, как только могла, — и, подражая ястребу, парила в небе; стремительный ветер и сырой, обволакивающий воздух мыли и чистили её оперение.

«Нет в мире ничего прекраснее, чем свобода и воздух!» — размышляла Ворона, закрыв глаза и качаясь в объятиях ветра.

И она твёрдо решила построить собственный дом где-нибудь на крыше молокозавода. Строительный материал наверняка отыщется неподалёку. Под крышей она жить ни за что не станет. Дома строятся не для ворон — это уж точно.

Уже начинало смеркаться, когда Лошадь втащила в зал последние поленья. Устроенный Ёжиком костёр пылал посредине. Дым поднимался к потолку и выбирался сквозь разбитый квадратик окна на волю. Сырые дрова Лошадь пододвинула поближе к огню, чтобы они быстрее подсохли. Собака тоже славно потрудились: она разложила перед Лошадью план, на котором было видно расположение комнат в доме. Их было так много, что каждому можно было дать собственную комнату. «Или даже две, если кому-то мало», — подумала Лошадь.

Она пошла за Собакой, которой не терпелось показать что и где. В одной комнате были бочки и трубы, в другой — молочные бидоны, а в третьей — ничего, кроме голого бетонного пола. Зато в стенке этой комнаты был кран, и, когда Лошадь просто так, для

развлечения, покрутила его, оттуда полилась вода. Лошадь оторопела: это было просто невероятно! Она с опаской попробовала воду, приготовившись сразу выплюнуть, но вода была вкусная.

— Я могла бы занять эту комнату! — заявила Лошадь и отхлебнула ещё водички. Потом достала из кармана карандаш, на первом подвернувшемся листке бумаги нацарапала крупными буквами: ЛОШАДЬ — и прикрепила листок к дверям. Итак, она снова была дома.

Для Собаки нашлась поблизости уютная тесная комнатуха. Ёжика решено было поселить рядом с ней: Лошади казалось, что за ним необходимо присматривать. Ведь когда кто-то очень грустит неизвестно по какой причине — может случиться что угодно.

Хорошо бы найти Ёжику интересное занятие, решила Лошадь и принялась было обдумывать это. Но тут же и бросила. Единственное, что теперь занимало все её мысли, был ужасный голод. Необходимо было добыть еды. Но где?

На улице уже стоял чёрный, как уголь, вечер. Костёр шипел и трещал, заставляя Ёжика придвигаться всё ближе к Собаке.

Лошадь собралась хорошенько подумать, где отыскать что-нибудь съедобное.

«Неужели мне придётся пройти весь путь в обратном направлении, чтобы попасть в магазин? ...Минуточку! Когда я повстречала Ёжика, я ела сено... Совершенно верно! Сеновал! Но Ёжик и Собака не станут есть сено, — сообразила она. — И до сеновала почти два дня пути».

Лошадь приподнялась и бешено закрутила хвостом, чтобы придать мыслям побольше скорости. Вдруг послышался лёгкий стук и вслед за тем тоненький гневный писк. Лошадь обернулась посмотреть и увидела на полу маленькую чёрную мышь. Очень сердитую и чем-то очень знакомую...

— Опять меня обижают! — раздражённо верещала Мышь. — Разве я для того дала тебе карту? Нет, я этого не вынесу!

— Извини, — сказала Лошадь миролюбиво. — Большое спасибо за карту, она была очень хорошо нарисована. Видишь — теперь я здесь. Со мной ещё и другие. Разрешите

представить. Это — Собака, которая вырезает из дерева скульптуры, это — Ёжик, который разводит костры, а на дворе вдобавок Ворона, которая побеждает во всех играх, вот... и... она умеет вести разведку. А это я — Лошадь. А это — Мышь, — пояснила Лошадь Собаке и Ёжику. — Хотя я, честно говоря, не понимаю, как она здесь очутилась.

И Мышь, прибывшая скорым поездом — как и всегда, когда она совершала зимнюю поездку на молокозавод, — решила сменить гнев на милость. Может быть, Лошадь и не такая дурёха, какой частенько кажется. Она всё-таки воспитанная. Мышь собралась было вежливо ответить, но внезапно передумала и юркнула в поисках убежища прямо под ноги Лошади. Потому что на стене выросла огромная тень Вороны. Совершенно верно — Ворона беззвучно появилась в дверях. Она таращила глаза и поводила головой, прислушиваясь.

— Вороны, между прочим, едят мышей, — бросила она небрежно, следя за каждым движением Мыши. И подскакивала всё ближе. Ворона тоже была голодна.

Лошадь пришла в ужас и решила во что бы то ни стало защитить Мышь.

— А эту Мышь вороны не едят! — объявила она запальчиво. — Эта Мышь спасла мою жизнь — кабы не она, я оказалась бы в плену. И я не дам её в обиду!

Ёжик одобрительно запыхтел. Собака же промолчала: она считала Мышь слишком маленькой, чтобы о ней вообще стоило говорить.

Ворона взглянула на Мышь: в глазах её промелькнуло что-то. Она прыгнула ещё разок и остановилась.

— Ну ладно! — капризно протянула она. — Забудем это! Но наверное, все голодны. А снаружи уже ничего не отыщешь — там слишком темно.

Из-под лошадиных ног раздался писк, и когда Лошадь хорошенько прислушалась, то начала понимать, о чём говорит Мышь: та рассказывала о погребях, сеновалах и кладовых, ради которых она и перебиралась сюда каждую зиму.

Это звучало просто фантастически. Если Мышь говорила правду, то рядом с молокозаводом находился склад.

— Да! — уверяла Мышь. — Там еды хватит на целую школу!

Лошадь воодушевилась:

— Значит, на всех нас тоже хватит! Четверо голодных — нет, пятеро. Мышь тоже теперь считается.

Лошадь запалила от костра факел и пошла следом за Мышью. Дверь на склад отыскалась легко. Правда, она была заперта, но Лошадь пнула её как следует, и дверь распахнулась. Лошадь в сопровождении Собаки осторожно ступила внутрь.

Мышь говорила правду, хотя Лошадь всё ещё никак не могла поверить, что это не сон. На полках у одной из стен стояли банки с консервами — самые настоящие. Лошадь разглядывала этикетки. Буквы исчезали сразу же, стоило им заметить, что Лошадь смотрит на них, но картинки оставались на месте.

— Спаржа! — азартно восклицала Лошадь. — А тут персики! А там сардины!

Повыше красовались стеклянные банки со сладким перцем и с зелёным горошком. Рядом стояли картонные коробки с макаронами, мукой, рисом. Были там и соль, и перец, и сахар,

и даже пряники, а в углу — мешок картошки. Лошадь заглянула в соседнее помещение, и увидела упаковки прессованного сена. Она принялась: без всякого сомнения, клевер и тимофеевка. Трёхлетней выдержки. Лошадь расплылась в блаженной улыбке, схватила хрустящий хлебец, посыпала его сверху сеном и солью и уплела, закатив глаза и причмокивая. Ах, какой свежий, какой прекрасный и вкусный бутерброд получился!

Потом съела второй, за ним третий. Голод слегка поутих.

Собака тоже не терялась — она вскрывала банки с сардинами и зелёным горошком и опрокидывала содержимое прямо в пасть, как настоящий экскаватор. А Мышь тем временем грызла крохотный кусочек сыра и, как показалось Лошади, лукаво подмигивала. Лошадь помахала ей в ответ и внезапно вспомнила про Ёжика и Ворону. Они ведь ещё ничего не ели!

Лошадь отыскала пустой мешок и набрала туда всякой всячины. Закинула мешок на спину и поспешила назад.

Ёжик всполошился, когда вся компания с грохотом и стуком ввалилась в зал, но, уви-

дев еду, забыл обо всём на свете. Он открыл своим охотничьим ножом банку со спаржей и попробовал... Нежная, совсем не жёсткая, как иногда бывает. Это что, все банки такие удачные? Ёжик решил, не откладывая, проверить и открыл вторую банку... да, в самом деле такая же, если не лучше. И Ёжик взялся за третью банку.

Усталость спустилась, как большая сумеречная птица, и запорошила глаза пеплом из костра. От тепла и сытости всех разморило, животы отяжелели, головы повисли, и глаза захлопывались, как крышки шкатулок.

«Завтра... — думала Лошадь, — завтра поговорим обо всём подробнее. Можем оборудовать жильё и начнём засеивать поле. Сегодня навряд ли...»

Она дотащилась до своей комнаты, долго разглядывала надпись на двери и прибавила к ней ещё несколько букв. Потом она вошла и сразу же улеглась.

Когда Собака проходила мимо по коридору, она увидела написанное.

— ЛО-ШАДЬ СОН-НА-Я, — прочла Собака по складам и громко зевнула. Она вдруг тоже

ужасно устала. — Спокойной ночи! — пожелала Собака двери.

И дверь ответила:

— Спокойной ночи!

Вскоре заснула и Собака. Ночь наполнялась мрачным, чёрным светом, на дворе подмораживало. Но внутри было тепло и уютно, как и полагается в хорошем сне.

Утром Лошадь принялась за дело. Она обследовала сарай и нашла там плуг. Вместе с Собакой они вытащили плуг во двор. Собака наладила упряжь. Ворона взялась править Лошадью, а Собака — плугом. Теперь можно было вспахивать поле.

Лошадь прилежно тянула плуг. Земля подавалась медленно, с трудом, но мало-помалу борозда удлинялась. Лошадь скоро устала.

«Совсем никуда не гожусь, — думала она, задыхаясь. — Хоть я и раньше не отличалась силой, но такой дохлой никогда не была. Старею...» И она опять тянула и тащила.

Когда наконец-то добрались до противоположной стороны поля, в глазах у Лошади потемнело. Она дымилась и пыхла, как старый паровоз. Всего лишь одна борозда — а Лошадь хоть на пенсию отправляй. Собака

предложила бросить всю затею, но Лошадь возмутилась:

— Что за безответственность! Чем мы будем жить, если ничего не посеём?

— На складе хватит припасов! — заявила Ворона. — По крайней мере для меня...

— Минуточку, — прервала её Лошадь, — а где мы возьмём еду, когда запасы кончатся?

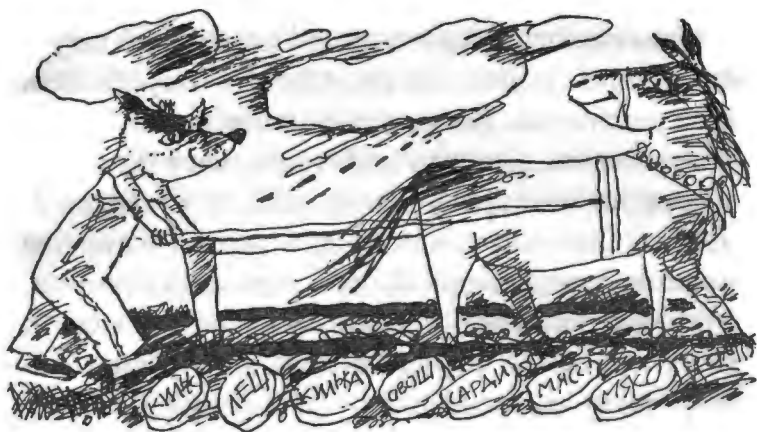
— В магазине! Уж это-то следовало бы знать!

— Но там надо платить... — в раздумье заметила Собака. — У нас же нету денег.

Лошадь обрадовалась, что хотя бы Собака её понимает.

Ворона тут же развернулась и улетела строить гнездо: в этом, по крайней мере, был какой-то толк. Лошадь не слишком огорчилась — поддержка Собаки придавала ей сил. Стиснув зубы, Лошадь опять потащила плуг, теперь уже в обратную сторону. Они понемногу продвигались вперёд, но для Лошади это было сплошное мучение.

Перед молокозаводом Лошадь рухнула на четвереньки — так она обессилела. И долго не могла подняться на дрожавшие от усталости ноги.

«Никогда больше не буду пахать! — решила она. — Лучше умру с голоду». И Лошадь долго и прилежно встряхивалась, пока не пришла в себя.

А придя в себя, она посмотрела на две свои борозды с гордостью. Теперь надо было их засеять. Лошадь нашла на складе тачку и доверху нагрозила её консервами. Потом притащила тачку на поле и принялась сваливать банки вдоль борозды. А Собака сажала их как полагается. Пришлось побегать с тачкой, прежде чем обе борозды оказались засеяны.

— Ой, это ещё не всё, — спохватилась Лошадь. — Ведь банки надо засыпать землёй!

Она разыскала в кладовой тятку и лопату и заставила недовольную Собаку поработать ещё немножко. Постепенно банки исчезли под слоем земли. Лошадь вспотела, как в бане.

Ворона смотрела на их работу с дымовой трубы. Она соорудила между трубой и скатом крыши превосходный дом из хворостинок, стружек, картона, соломы и кусочков жести. И теперь была страшно довольна своим новым жильём.

«Пусть другие живут во всяких там комнатах, зато у меня — настоящее воронье гнездо!» — думала Ворона и пыжилась от гордости.

Пошёл снег. Сначала лёгкий, как дыхание, а потом всё плотнее и тяжелее.

Снежинки мокрыми хлопьями планировали вниз, постепенно превращаясь в лоскутки размером с носовой платок, и эти лоскуты стремительно неслись к земле, облепляя всё вокруг. Поднялась такая метель, что силуэты Лошади и Собаки уже невозможно было разглядеть. Когда они наконец вошли в дом, Ворона увидела двух снеговиков, которые, неуклюже переваливаясь, торопились под защиту крыши, в тепло.

— Это что ещё за чудища? — удивилась Ворона и слетела посмотреть. Снег сразу же налип на её крылья и немилосердно потянул Ворону вниз, к земле. Кое-как она добралась до дверей. Нечего было и думать о возвращении в гнездо — снегопад всё усиливался. Сообразив, что стала жертвой собственного любопытства, расстроенная Ворона поскакала в дом.

Ёжик в это время как раз подкладывал поленья в костёр. Он по-прежнему был в унылом настроении и вдобавок голоден. Увидев Лошадь и Собаку, он потребовал, чтобы его накормили.

— Хоть бы маленькую баночку спаржи! — негодовал Ёжик. — Целыми днями слежу за костром, а что я получаю взамен? Ни крошки еды! Это что, нормально?

«Спаржа... — вспоминала вконец измочаленная Лошадь, — я её только что где-то видела...»

Она потащила на склад и обшарила полки — нет, совершенно пусто. И вдруг сообразила: ну конечно, ведь банками только что засеяли поле, поэтому на полках ничего не осталось! Что же сказать Ёжику?

— Спаржа кончилась. — Лошадь сообщила правду, не придумав ничего более подхо-

дящего. — Она теперь в поле растёт. Но зато потом, весной, ты будешь получать по две банки сразу.

Ёжик швырнул в костёр палочку, которой ворошил угли, и буркнул:

— Ладно! Раз так, то и я больше не буду костровым работать. Благодарю покорно!

Лошадь взглянула на Собаку. Та поняла и поплелась вслед за Лошадью в поле. Борозды уже засыпало снегом, и Лошадь расстроилась ещё больше. Она изо всех сил принялась копать и наконец нашла какую-то банку. «Горошек» — гласила надпись на этикетке. Вторая банка содержала краснокочанную капусту, третья — сардины.

— Господи, почему я, дура такая, не посеяла каждый сорт отдельно и только теперь соображаю, как надо было сделать? — сокрушалась Лошадь.

Когда спаржа всё-таки нашлась, Лошадь уже настолько изнемогла, что Собаке пришлось самой нести все банки. Хорошо ещё, что у Лошади хватило сил тащиться следом.

Но, увидев, как расцвёл Ёжик, Лошадь приободрилась. Он разулыбался и был такой

славный! Мышь тут же объявилась откуда-то к трапезе.

«В самом деле замечательно, когда есть компания, — думала Лошадь. — Ведь когда живёшь один, то сам о себе не слишком заботишься. А так всё время что-то делаешь. Разок здесь можно очень славно перезимовать...» И Лошадь на радостях замурыкала песенку.

Но, заметив, как быстро пустеют банки, и поглядев в окно на нескончаемый снегопад, Лошадь затосковала. Завтра снова придётся выкапывать банки из-под снега, а его всё больше и больше! «Я, видимо, допустила какую-то ошибку, — размышляла Лошадь, — но какую? Я могу даже заболеть, если буду копошиться на улице в такую метель». Она почувствовала себя совсем несчастной.

— Как же нам теперь быть? — вдруг спросила Собака и посмотрела ей в глаза.

Лошадь задумалась. Что она имеет в виду?

— Будем есть, пить и жить-поживать.

— И это всё? — фыркнула Ворона с порога. Она была в дурном настроении, потому что снег всё валил и не было никакой надеж-

ды возвратиться в гнездо. — Что же, мы будем сидеть сложа руки и говорить друг другу: «Здрасьте, я ваша тётя!»? Это, верно, такая лошадиная игра?

— А чем мы займёмся завтра? — тихо спросил Ёжик. — Мне очень скучно.

Лошадь рассердилась. Целый день она трудилась для них, и вот пожалуйста — благодарности!

— Можете все убираться! — закричала она в гневе. — Я вас не звала сюда! Даже если вы сейчас уйдёте, мне всё равно — будет хоть спокойно!

Остальные притихли. Они молчали так долго, что Лошадь начала раскаиваться в своих словах. И раскаялась ещё больше, когда заметила, что Ёжик принялся потихоньку паковать свой рюкзак и что Собака тоже явно собралась в дорогу. Ворона заметалась — как лететь в такую погоду? — но и оставаться тоже была не намерена. Мышь хныкала.

Лошадь перепугалась, увидев, какое действие произвели несколько простых слов.

— Стойте! Эй, подождите! Простите меня. Это я несерьёзно — просто от усталости. Мне очень жаль, правда! — И Лошадь посмотрела

на них умоляюще. — Не уходите! Лучше да-
вайте вместе решать, что предпринять.

— А что же мы можем тут предпринять? —
нерешительно спросила Собака и покосилась
на Ёжика.

— Обсудим всё спокойно, — предложила
Лошадь, — мы что-нибудь обязательно при-
думаем — ведь нас, как-никак, пятеро.

Когда все вернулись к костру, Лошадь
принесла карандаши и листки бумаги. Она
раздала их и попросила, чтобы каждый на-
писал, что он советует делать.

— А потом мы по очереди прочитаем за-
писки вслух и проголосуем за самый лучший
совет. И будем ему следовать, — сказала она.

Остальные согласились. Собака тотчас
принялась писать; некоторое время только и
слышно было, как её карандаш скребёт по
бумаге. Она закончила быстрее всех. Послед-
ним отдал свою бумажку Ёжик. Собака раз-
вернула её.

— Первое предложение — Ёжика: «НАЧ-
НЁМ БОТАТЬ»... Нет, простите, тут написано
«работать»!

Затем Собака развернула свой листок.
Там было написано: «ЗАЙМЁМСЯ ВЫРЕЗА-

НИЕМ ПО ДЕРЕВУ». Ворона пожелала такого дела, где она могла бы использовать свои таланты и богатый опыт руководителя, а Мышь просто хотела сыра. Наконец, Собака прочитала то, что нацарапала на своём листке Лошадь: «ПРИНЯТЬСЯ ЗА РАБОТУ, КАКУЮ УГОДНО, ХОЧЕТ ЛОШАДЬ, НЕ СОННАЯ».

— Но за какую же работу? — спросили в один голос Ёжик, Собака и Ворона.

Взгляд Лошади случайно упал на ржавые молочные бидоны, и её осенило.

— Начнём использовать молокозавод! — выкрикнула она и победоносно взглянула на остальных: ага, сидят как в рот воды набрали. Даже Ворона не сумела придумать ничего лучше.

— И как же мы его будем использовать? — сухо спросила Ворона. — Одних твоих пожеланий недостаточно. А то вся затея останется лишь пустой мечтой. Должно быть что-то толковое. Что мы можем изготавливать на молокозаводе?

Лошадь вопросительно взглянула на Собаку, потому что поняла, что сама уже не в состоянии придумать ничегошеньки.

— На молокозаводе изготавливают молоко! — объявила Собака и задумалась. — Или нет, молоко получают от коров!

— Мне хочется сыра, — заныла Мышь.

— Сыра... — обиженно повторила Лошадь. Что ж ей, опять идти на склад? Мышь сама не может сходить, что ли?

— На самом-то деле идея с молокозаводом вовсе недурна... Молодчина, Лошадь! — вдруг проскрипела Ворона. — В сыре что-то есть... Но для его приготовления нам нужно молоко. И где же мы его возьмём?

— У коров! — опять объявила Собака. Она вообще считала коров довольно симпатичными существами.

Тут все воодушевились и загалдели хором. Растроганная Лошадь смотрела на них и размышляла: «Может, всё и уладится... Утро вечера мудренее... Завтра наверняка что-нибудь придумаем».

Лошадь разбудил свет: он потихоньку подкрался в темноте и незаметно разлился повсюду. Лошадь открыла глаза. Было утро. Она подошла к окну. Куда ни посмотри, везде лежал снег и посверкивал, как толчёное стекло. Из-за леса поднималось солнышко.

Лошади стало весело. Из городской зимы ей вспоминались только слякоть, песок и снегоуборочные машины, которые бродили, как призраки, в утреннем сумраке с лязгом и скрежетом. А эта зима была совсем другая.

«Снег... — думала Лошадь, — холодное и пушистое слово... Можно походить на лыжах. Или покататься на санках с горки». На радостях она поспешила разбудить Собаку и Ёжика. Но они почему-то ни чуточки не обрадовались.

— Я немножко голодный, — вяло заявил Ёжик, а Собака уставилась на свои деревяшки и ничего не сказала.

— Тыфу ты! — в сердцах плюнула Лошадь и направилась к дверям. Она ступила за порог и словно ослепла — такой яркий был свет. Зажмурившись, она бродила по двору и дышала морозным паром. И ещё долго бы бродила, если бы не наткнулась на что-то большое и мягкое. Лошадь поразились — не может здесь быть такого здорового сугроба. Она пошарила вокруг и наткнулась на второй такой же: он заревел, как тромбон.

«Я попала в засаду, — испугалась Лошадь, — надо хоть что-то разглядеть!»

Она прищурилась, чтобы привыкнуть к свету, и понемногу начала различать окружающее. Перед ней возвышался большущий снежный ком, отдалённо напоминающий корову. Она оглянулась назад — и оттуда на неё смотрел точно такой же. Лошадь ничего не понимала. Ведь коровы бывают коричневые или пятнистые и зимуют в коровнике!

Но она собралась с духом и сказала:

— Добрый день! Мы, по-видимому, раньше встречались? В вас есть что-то очень знакомое.

— Муууу! — печально произнёс первый ком. — Я вас вижу впервые.

«Голос как у коровы, — подумала Лошадь. — Что же это значит?»

— Есть здесь хоть какое-нибудь укрытие? — ещё печальнее спросило второе существо. — Мы всю ночь блуждали в ужасной метели. Наш коровник сгорел — мы еле-еле спаслись. И обратно дороги не сыскать — все следы снегом замело.

«Коровник... — сообразила Лошадь, — они, значит, коровы. А белые — потому что в снегу. Какая же я, однако, недогадливая!»

— Разумеется, — сказала она, — заходите в дом. Места полно.

Лошадь отворила дверь, и коровы гуськом вошли в зал. Ёжик, увидав два белых привидения, отскочил в самый дальний угол, а Мышь кинулась в свою норку — искать билет на поезд. Собака тоже слегка испугалась. Только Ворона оставалась невозмутимой — потому что она в это время спала в своём гнезде.

— Не надо бояться, — сказала Лошадь, — это коровы. Их дом сгорел, и они, наверное, замёрзли. Поэтому я пригласила их в дом.

— Коровы? — недоверчиво переспросил Ёжик.

— Да, настоящие коровы, — подтвердила первая. — А ты кто такой?

Ёжик обиделся:

— Я — Ёж, это всем известно!

— Очень приятно познакомиться, — вежливо сказала вторая корова и с любопытством огляделась по сторонам. Жить можно... Жар костра быстро растопил снег, и вскоре перед изумлённым взором Лошади, Ёжика и Собаки предстали две всамделишные, большущие и промокшие коровы. И страшно голодные, как заявила тут же одна из них.

Плох тот дом, где гостей не угощают. Лошадь поспешила принести сена, Собака — хлеба, а Ёжик — соли. И коровы принялись за еду. Ух как они ели! Челюсти жевали, глаза смотрели, ничего не видя; время от времени то одна, то другая издавала протяжный гудок. Это напомнило Лошади морской порт.

Наконец коровы вроде бы наелись — по крайней мере одна из них начала разговаривать, не прекращая при этом жевать.

— Меня зовут Клубничка, — объявила она, подбирая свисающее с губы сено. — А мою подружку — Черничка. Вы, конечно, скоро поинтересуетесь, как нас отличать одну от другой?

Лошадь, у которой в голове уже вертелся этот вопрос, даже покраснела.

— Это совсем легко, — продолжала корова. — У меня пятна потемнее. И нужно только подумать, что это, должно быть, Черничка, но на самом деле — Клубничка. Очень просто, не правда ли? — И корова шаловливо подмигнула Лошади.

— Спасибо за совет! — поблагодарила Лошадь. Она была обескуражена. Всё-таки — кто есть кто? У одной пятна с рыжинкой. Это, должно быть, Клубничка.

— Послушай, Клубничка, — начала Лошадь, — что мы ещё можем для вас сделать?

— Я Черничка! — заявила корова с рыжеватыми пятнами. — Ах! Мне пора бы уже запомнить, что лошади никогда не пользуются мозгами...

Лошадь собралась было ответить такой же колкостью и даже добавить ещё кое-что, но сдержалась.

«Коровы наши гости, — убеждала она себя, — а гостей нельзя обижать. И коровник у них сгорел. Теперь они совсем бездомные».

Мысли о доме вконец разжалобили Лошадь, и она уже смотрела на коров с состраданием. И ещё жальче ей стало, когда Черничка вдруг быстро заговорила.

— Ох, чуть не забыла самое важное, — сказала она, и глаза у неё сделались как блюдца, — нас сегодня не доили. Вы не могли бы помочь нам? Если нас не подоят, то нам пропасть — что волку в пасть.

Собака в недоумении уставилась на коров: при чём тут волки?

— Это почему? — спросила она.

— Мы ведь сами подоиться не можем, вы же понимаете, — сказала Клубничка. — Если нас никто не подоит, молоко не вытечет наружу. И тогда нам конец.

Лошадь призадумалась: она начинала понимать — да, так оно и есть. Старое молоко нужно выдаивать, потому что коровы бес-

прерывно делают новое. А если не выдоить, коровы лопнут.

«Кошмар, — подумала Лошадь, — ведь молоко — ценный продукт». И тут она что-то вспомнила.

— Эй, — воскликнула она, — теперь я знаю! Конечно, мы вас подоим!

— Зачем? — спросил Ёжик, пытаясь уловить смысл разговора: он понемногу преодолел свой страх и решился подойти к костру.

— Из молока делают сыр! — объяснила обрадованная Лошадь. — Мы об этом как раз вчера говорили. Это именно то, что нам нужно! Ура! Добро пожаловать! — сказала Лошадь коровам и поклонилась, как заправский метрдотель. — Фирма гарантирует!

— Ой, спасибо! — сказала Клубничка и поглядела на Лошадь с нежностью. — Как приятно встретить настоящую леди!

Коровы поудобнее расположились у костра, и Лошадь принялась хлопотать. Она принесла ещё сена и хлеба и постелила чистую скатерть. И налила в таз холодной воды. Коровы даже замычали от удовольствия. Потом

Лошадь подбежала к стене и наклонила голову к самой мышиной норке: теперь и Мышь должна потрудиться. Без неё просто-напросто ничего не выйдет.

Пошептавшись некоторое время с Мышью, она вернулась. Разговоры о сыре вызвали у Мыши придурковатую улыбку; она сломя голову кинулась к своему походному сундучку — читать разные рецепты. Наконец подходящий нашёлся. Она выбежала на середину зала, размахивая бумажкой, чем привела Лошадь в полный восторг.

Но коровы совсем не обрадовались. Увидев мышку, они здорово перепугались.

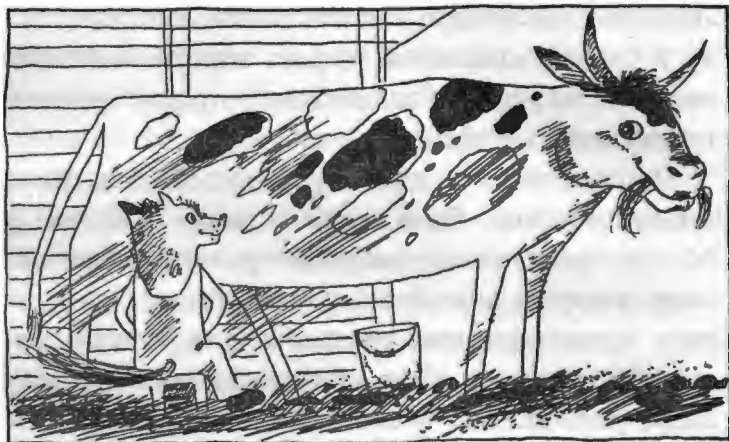
— Ой-ой-ой! — замычали они хором. — Мышь! Кыш!

Лошадь удивилась: неужели эдакие громадины могут бояться такой крошки? Но они и вправду боялись. Лошадь, как могла, успокаивала их, и они наконец кое-как утихомирились. Мышь спряталась за Ёжикину спину, но втайне была предовольна.

«Вот это да! Я прямо настоящий герой!» — поздравляла она себя.

Лошадь приволокла вёдра и установила их коровам под вымя. Она ожидала, что молоко

сразу потечёт в вёдра, но ничего подобного не произошло.

«Опять что-то не так», — подумала она.

— Ну? И чего же ты ждёшь? — вспылила Черничка. — Может, хоть кто-нибудь подоит нас? Это было бы очень мило!

Лошадь ухватила её за вымя и попробовала доить. После долгих стараний на дне ведра показалось молоко — примерно с чайную ложечку. Корова горестно мычала.

Потом попытался Ёжик, но и у него вышло не лучше. Даже наоборот. Его иголки кололи коров то там то сям, и под конец ему пришлось даже удирать от разъярённых

бурёнок. Мышь тоже не сумеет подоить коров — это было ясно. Оставалась только Собака.

В коровьих глазах отражалась уже нешуточная тревога. Лошадь собралась с духом и попросила Собаку попробовать.

Собака уселась на маленькую скамеечку и некоторое время в раздумье смотрела на коров. Потом начала осторожно тянуть за вымя, и сразу же тонкая ровная струйка молока ударила в дно ведра.

— Ура! — завопила Лошадь и затопала всеми четырьмя ногами. — Да здравствует Собака!

Но громче всех кричали «ура» коровы.

Когда в вёдра набралось достаточно молока, для Мыши наступил решающий момент. Со странным блеском в глазах она носилась из одной комнаты в другую, рылась в своём сундучке и бормотала что-то себе под нос. На свете нет такой мыши, которая бы не разбиралась в сыре; много-много раз в детстве она видела, как мама делает домашний сыр.

Мышь надела чистенький передник, а на голову нахлобучила белый поварской колпак.

— Чистота — уже половина еды! — шипела она, стараясь отогнать всех остальных подальше. Сыроварение — дело непростое, не каждому даётся.

Наконец всё было готово. Лошадь с Собакой под надзором Мыши перелили молоко из вёдер в большой бак и придвинули его поближе к огню. Когда молоко нагрелось, Мышь вытащила из кармана маленькую бу-

тылочку. Все подкрались поближе — посмотреть. Лошадь, по правде сказать, сомневалась, чтобы из жидкости получилось что-то твёрдое. Это только на морозе бывает.

Мышь опрокинула содержимое бутылочки в бак. В первое мгновение ничего не случилось. «Я так и знала, — подумала разочарованно Лошадь, — напрасны были все наши старания...»

Но когда она снова заглянула в бак, молока там больше не было. На поверхности колыхалась плотная белая масса, а под нею виднелась странного цвета водянистая жидкость.

— Это что, сыр? — спросила она. — Что-то не похоже.

Она взяла немножко массы сверху и попробовала. Нет, никакой это не сыр, хотя вполне съедобно. Но вкус настоящего сыра совсем другой.

— Стоп! — заорала во всё горло Мышь. — Не трогайте! Ещё не готово! — И ринулась к баку: *дураку полработы не показывают.* Они всё только испортят.

Мышь разыскала сита и шумовки; белое вещество выудили и переложили на большие

доски. Мышь велела Собаке лепить из него круглые плоские куличики, а сама добавляла соль. Потом доски перенесли к костру. Подкинули дров, сыры придвинули поближе к пламени, а Ёжика поставили следить за огнём. Мышь отошла в сторонку и ждала, что будет.

Сначала сыры только тихонько шипели; затем на их поверхности появились коричневые пятнышки. И тогда Мышь попросила Лошадь отодвинуть доски от костра и разложила сыры остывать.

Вскоре все хороводом стояли вокруг них. Даже Ворона, проснувшись, решилась войти в зал. По правде говоря, она на рассвете так замёрзла, что только гордость удерживала её в гнезде.

Мышь отломил кусочек сыра и попробовала.

— Сыр... — протянула она мечтательно, смакуя кусочек. — Недурственно... Берите и вы!

— Сыр! — провозгласила Лошадь и тоже попробовала. Да, это был действительно сыр, не печенье. Собака с Вороной были того же мнения. Ёжика тоже уговорили попробовать.

И он так разошёлся, что в одно мгновение умял целый круг сыра. Для Мыши это и было наивысшей похвалой.

Коровы удивлённо глазели на них.

— Сена! — попросила Черничка.

— Хлеба и соли! — потребовала Клубничка.

Лошадь встрепелулась: коровам и в самом деле нужен хороший уход. Она приволокла на тачке тюк сена и порядочную порцию хрустящих хлебцев. А потом помчалась ещё

разок полюбоваться на сыры. Да, они действительно удались на славу.

«Ну и чудеса! — думала Лошадь. — Ни за что бы не поверила. Может, это сон? В таком случае было бы очень грустно сейчас проснуться». Лошадь лягнула себя, и ей стало больно.

«Значит, не сплю! — решила она и опять уставилась на сыры. Они были такие же настоящие, как день за окном. — Но, — вдруг пришло ей в голову, — что мы будем с ними делать? Их так много, что мы никак не сможем съесть всё. И молока будет больше с каждым днём. Скоро мы потонем в сырах, как коровы в своём молоке».

Лошадь взглянула на Ворону, а та в ответ выпучилась на неё. Ворона была слегка не в духе после бессонной ночи, но сыр быстро поднимал её настроение.

— Годится! — прокрипела Ворона. — Чем свиньям, так лучше нам! Почти как из магазина.

— Из магазина... — размышляла Лошадь, — это мне что-то напоминает... но что?

В магазине можно купить всякие продукты, например сыр... А можно ли в магазин что-нибудь продавать?

— Послушай, — сказала она Вороне, стараясь держаться непринуждённо, — я хочу кое-что у тебя спросить. Ты ужасно умная и, наверное, сможешь ответить. Человек купил в магазине ботинки, и его заинтересовало — как эти ботинки попали в магазин? Они что, сами туда пришли? Что скажешь?

Ворона вздохнула:

— Ты что это, серьёзно? Разумеется, их привезли в магазин из другого места. Владелец магазина их купил.

— Купил? — поразилась Лошадь. — За ту же цену?

— Балда! — закричала Ворона. — Разумеется, дешевле!

Лошадь изо всех сил пыталась сообразить:

— Почему же мы тогда не можем купить ботинки задёшево?

Ворона презрительно покосилась на неё:

— Во-первых, у меня уже есть прекрасные сапоги. А во-вторых, торговцу ведь тоже надо жить. Ах ты, святая простота! — рассердилась Ворона. — Не буду больше с тобой разговаривать!

— Ну пожалуйста, поговори со мной, — попросила Лошадь жалобно. — Скажи мне

ещё одну вещь: если я продам эти сыры владельцу магазина, придётся ли мне платить за них дороже, когда я их буду покупать?

— Ну и бестолочь, в самом деле! — рассвирепела Ворона. — Настоящая ослиная башка! Зачем же тебе покупать собственные сыры, когда вон их сколько! Продашь сыры и купишь что-нибудь другое. Например, мясного фарша — полкило, самого лучшего. И не забудь купить анисовых леденцов. Они очень полезны для горла.

Лошадь обрадовалась.

— Продадим эти сыры, — закричала она, — отвезём их в магазин! А что на эти деньги покупать — пусть каждый решает сам.

Ворона презрительно пожала плечами: можно, конечно, по крайней мере попытаться. А что выйдет — это уже дело другое.

Собака, Ёжик и Мышь одобрили план. Конечно, так и сделаем. И Лошадь воспрянула духом. Всё пойдёт как по маслу. Сначала будем давать коровам сено, хлеб с солью и немножко водички, потом Собака будет выдаивать молоко, Мышь будет варить сыры, а Ёжик — коптить.

«А потом, — размышляла Лошадь, — я буду сыр продавать. А деньги будем делить поровну». И она покосилась на коров.

«Коровам тоже нужно отдавать их долю, — решила она. — Сейчас им как будто не на что тратить деньги, но, когда наступит лето, они — кто знает, — может быть, захотят поразвлечься. Например, если в деревню вдруг приедет цирк. И они смогут купить себе хорошенькие шляпки — такие, на которых растут цветы».

Лошадь считала, что такие шляпки коровам очень к лицу.

На ночь сыры снесли в погреб. К изумлению Лошади, коровы доились и вечером, а когда на следующее утро пришлось снова их обихаживать, то это уже в самом деле становилось похоже на работу. Лошадь, пыхтя и обливаясь потом, возила на тачке воду и сено. Вдобавок она достала для них из кладовки две плитки шоколада.

«Пожалуй, коровья жизнь не такая уж сладкая», — думала она при этом.

И опять варили и коптили сыр. Мордочка Ёжика покраснела от жара костра, а Мышь улыбалась, как слабоумная.

«Подумать только, — повторяла она себе, — мне доверили такую важную работу — мне, самой маленькой! Да-да!»

Мышь по вечерам заносила всё в дневник — для памяти; она хотела в точности описать, кто и что говорил. И там она отводила

себе (насколько это вообще возможно) ещё более важную роль.

А Вороны, напротив, было не видно и не слышно: вся её энергия уходила на латание гнезда. Она запихивала медвежью шерсть в щели, облицовывала стены древесными плитами, замазывала оконные рамы. Поутру она опять проснулась с инеем на клюве и не могла раскрыть его, пока не оттаяла возле костра.

— Теперь всё переменится, — убеждала себя Ворона, — долой мороз и холод! Озноб — в музей!

В углу она соорудила маленький камин, его ласковое тепло уже разливалось по комнате: в жестяной банке горел объединенный мышами огарок свечи. Ворона нашла целый мешочек таких огарков на чердаке.

«Да, это вам не какая-нибудь сорочья хибарка!» — довольная собой, думала она.

Тем временем Лошадь упаковывала сыры в ящик и распевала:

*Я весёлая лошадка,
вместе с солнышком встаю,
пусть приходится несладко, —
эх! — я всё равно пою!*

Но её песенка успеха у публики не имела.

«Подумаешь!» — мысленно фыркнула Лошадь. Вскоре все сыры были уже в ящике. Теперь — в путь.

«Вперёд, к магазину!» — подбодрила она себя и игогокнула. И взялась за ящик, чтобы вынести его на улицу...

Ящик стоял непоколебимо, как здание парламента, — он даже не шелохнулся. Лошадь утёрла пот со лба. Как же это сыры могут быть такими тяжёлыми? Она ухвати-лась за угол и крикнула. Ящик испугался, подвинулся на сантиметр-другой — и опять встал как вкопанный. У Лошади сил уже не было.

Она глубоко вздохнула и, усевшись, погрузилась в раздумье: «Может статься, мне и удастся вытащить ящик во двор, но как я доставлю его в магазин? Ведь до магазина, должно быть, путь не близкий!»

Лошадь подумала ещё немножко. И сообщила, что даже не знает, в какой стороне этот самый магазин находится. Она выглянула наружу и посмотрела на расстеленную повсюду белизну. По такому снегу тащиться

и без сыров тяжеленько, а если потащишься не в ту сторону? Там и останешься замерзать. Как же разузнать дорогу? Она вспомнила про Ворону.

«Не тот снег, что метёт, а тот, что сверху идёт»: снег, когда он не падает сверху, а просто лежит на земле, никак не может помешать Вороне летать, — размышляла Лошадь. — Позову её на помощь».

Она вышла на улицу и крикнула: «Ворона!» Ответа не было. Тогда Лошадь свистнула. Вороний клюв медленно высунулся из гнезда.

— Что ты мне свистишь, как собаке, — прохрипела вконец простуженная Ворона, — позвала бы по имени.

— Я ж звала, — оправдывалась Лошадь, — а ты не отвечала.

— Неужели? — удивилась Ворона. — У меня, видимо, ухудшился слух! — И она поковыряла в ушах. На землю упала пара сосуллек. Лошадь удивилась: неужто бедняга спит так чутко, что приходится затыкать уши?

«Впрочем, это меня не касается, — решила Лошадь, — пусть делает что хочет. Лучше

сразу и напрямик попрошу у Вороны совета. Как говорится: „Тот немного возьмёт, кто сам не даёт“».

— У меня небольшая проблема, — сказала Лошадь, — и мне нужна твоя помощь. Эти сыры, которые в магазин...

— Я их не буду носить! — пришла в ужас Ворона. — Ты, как-никак, больше меня! Тебе, что ли, не под силу? — И Ворона покрутила головой и постучала крылом по лбу. Что означал её жест, было совершенно ясно.

Лошадь обиделась, но сдержалась.

— Нет... или да — то есть да! Мне под силу! Я умею. Но где этот магазин?

— Нужно идти по этой дороге прямо, — весело заявила Ворона. — И какой-нибудь магазин непременно попадётся навстречу.

Лошадь подумала:

— И в какую же сторону мне идти?

Ворона презрительно рассмеялась:

— Дорога начинается здесь или здесь кончается — как тебе угодно! Есть только два варианта: отсюда — туда или отсюда — сюда. В какую сторону ты бы пошла?

Лошадь вконец разозлилась. Вопрос ведь касается общего дела! И в сердцах топнула копытом.

Мышь свалилась со своего кресла-качалки, поспешно бросилась в ванну и засунула голову в ведро.

«Землетрясение! — в ужасе думала она. — Это что, смерть пришла?» Она долго пролежала в ванне с ведром на голове, прежде чем отважилась выглянуть наружу. Но сердце у неё продолжало лихорадочно стучать, и пришлось выпить стаканчик успокоительного виноградного сока и полежать в кровати, пока не станет полегче. Виноградный сок помогает всегда, она это твёрдо знала. Сок был трёхлетней давности, и Мышь берегла его на чёрный день.

— Ну как мне доставить сыры в магазин? — продолжала настаивать Лошадь, злобно оскалившись на Ворону. — Они слишком тяжёлые! Тут всё-таки не только обо мне речь, но и о других! У тачки колесо почти отвалилось и, кроме того, одна оглобля пропала. Я видела — Собака взяла её, чтобы вырезывать свои фигурки. У нас и санок боль-

ше нет, — добавила Лошадь уже тише. — И если спросишь у меня — я уверена, что Собака их тоже разобрала на кусочки.

Ворона надолго призадумалась. В словах Лошади было зерно истины.

«Но только одно! — отметила про себя Ворона. — А ведь говорится: *Одно зёрнышко лета не делает!* — Потом взглянула на Лошадь и поняла, что та с надеждой ждёт ответа. — А вдруг я ничего не придумаю?» — взволновалась Ворона. Она ломала голову в раздумье. Где-то было что-то... Да, но что?

Прошло мучительно долгое время, Ворона окончательно было расстроилась, но наконец вспомнила:

— Я видела там, в сарае, автомобили! Со всем исправный! Если мы найдём где-нибудь горячее, то... — Ворона вопросительно посмотрела на Лошадь. — А водить-то ты умеешь?

— Я однажды участвовала в скачках! — обиженно заявила Лошадь. — Правда, я перешла на галоп, и меня в самом конце исключили из соревнований, но всё-таки! Я это хорошо помню.

— Ездить на автомобиле — это совсем не то, что бегать, — заметила Ворона. — Но впрочем, можно попытаться. Я не поставлю на тебя ни пенни, но вполне вероятно, что ты и научишься. — Ворона прочистила горло. — Особенно если преподавателем буду я. Тогда, думаю, даже лошадь поймёт.

Лошадь грозно глянула на Ворону, но та даже и глазом не моргнула.

— Ладно! — сказала Лошадь. — Пошли в сарай! Но помни: я ничего не обещаю.

У двери в сарай Ворона приостановилась и пропустила Лошадь вперёд. Дверь выглядела какой-то несговорчивой, но, когда Лошадь толкнула её, отворилась без звука. Пахло отчуждённостью и заброшенностью; многолетняя пыль покрывала всё толстым слоем, и оттого слабый свет казался ещё серее. Прошло довольно много времени, пока глаза Лошади привыкли к сумраку.

Постепенно в этой серости начали вырисовываться предметы: ящики, железные трубы, канистры, колёса. А посреди них возвышался огромный металлический жук, молчаливый и одинокий. Глаза его были закрыты, на голове — одеяло. Он казался спящим.

Лошадь пристально вглядывалась в него.

«Автомобиль, — вспомнила она, — ничем другим этот жук быть не может».

Лошадь и раньше видела автомобили, но ни разу не разглядывала подолгу — уж слишком они были шумные. И, по правде говоря, Лошадь настолько их боялась, что никогда не подходила близко. Этот, к счастью, не просыпался.

— Он же, — сказала Лошадь слабым голосом, — он же выглядит... таким... как бы сказать... серым.

— Он просто немножко запылился, — нетерпеливо перебила Ворона. — Это совершенно всамделишный автомобиль. Старая добрая железная лошадка, не какой-то там овсяный двигатель — как некоторые мои знакомые.

Лошадь даже не поняла, кого именно Ворона имела в виду. Она в замешательстве подошла к автомобилю и заглянула в окошко. Внутри был руль, похожий на те, которые бывают на некоторых санках, а за ним виднелись всякие рычаги.

«Нет, — подумала Лошадь, — такое я всё-таки водить не стану!» Она развернулась. И хотела скорей уйти прочь.

Но тут вспомнила про сыры. И ещё вспомнила, что всего лишь пару дней назад всем было ужасно скучно и не было никакого ин-

тересного занятия и как все остальные собрались уйти и оставить её одну. Потом появились коровы. И жизнь пошла — лучше не придумаешь, у каждого работы стало хоть отбавляй. И ещё она подумала, что если теперь сыры оставить в ящиках и всё время делать ещё и ещё, то в конце концов ящики заполнят весь зал. И тогда либо им, либо сырам придётся переезжать куда-нибудь.

Лошадь вздохнула. Ничего не поделаешь — надо попытаться. Она открыла дверцу автомобиля и втиснулась на переднее сиденье. Ноги и голова еле-еле уместались в кабину одновременно. У Лошади сразу же заломило спину, и она с усилием выпрямилась. Раздался страшный треск: крыша кабины, отскочив, полетела на пол. Лошади тут же стало легче — теперь она могла сидеть прямо.

Ворона рассердилась было, но, увидев гордо восседающую за рулём довольную Лошадь, сменила гнев на милость. Порывшись в перчаточном ящичке, она отыскала руководство по вождению автомобиля и в торжественной тишине приступила к чтению.

А дочитав до конца, решила, что вполне готова обучать Лошадь.

В углу нашлась канистра с какой-то приторно пахнущей жидкостью; не долго думая, её вылили в бензобак. По команде Вороны Лошадь поворачивала ключ зажигания и нажимала на стартёр, но тщетно. В ответ на все их старания — молчание. Автомобиль не соглашался издать ни звука.

Мышь пришла поглядеть на их затею. Когда-то в детстве она жила в старом автобусе. Поэтому она забралась под капот и первым делом проверила аккумулятор. Из пупков аккумулятора свисали оборванные провода, и Мышь их быстренько подсоединила.

«Ничего удивительного, что мотор не зажёлся», — подумала она, выбираясь наружу. И уселась на порядочном расстоянии от машины — поглядеть, что будет.

— Милая машинка, славная машинка, красивая машинка, — умоляла Лошадь. — Это Лошадь с тобой говорит! Заведись — будь другом! Ты нам здорово поможешь.

Она снова повернула ключ. На щитке загорелся тусклый свет, и, когда Лошадь в растерянности нечаянно нажала на педаль, ав-

томобиль издал хриплое рычание и бросился вперёд, будто хотел схватить кого-то. Дребезжа фарами, он уткнулся в стену сарая, и мотор заглох.

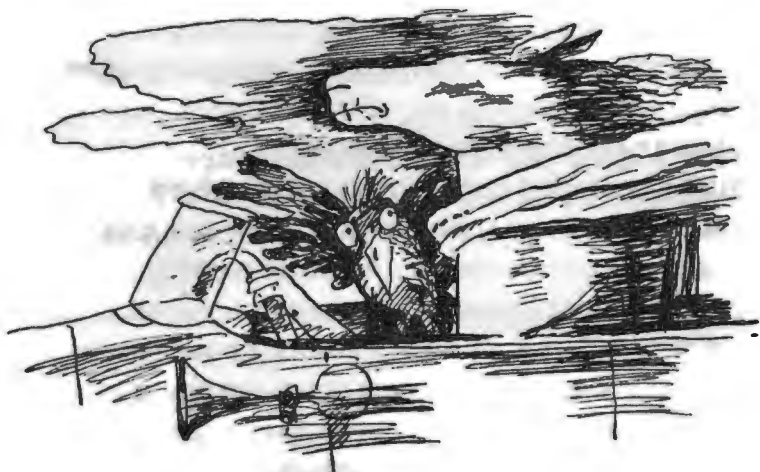
Побледневшая Лошадь, крепко сжимая руль, молча сидела в кабине. Молчала и Ворона. Одна Мышь громко пищала, потому что чуть было не угодила под колёса. Хуже всего было то, что Лошадь даже не слышала, что говорит Мышь. Она просто сидела и ждала, чтобы кто-нибудь другой начал действовать.

Ворона откашлялась и сказала:

— Хм! Сцепление! Правильно пользоваться... И газ. И когда меняешь передачу — отпускать потихоньку!

Но Лошадь сидела неподвижно. На её щеки понемногу возвращался румянец, но в выражении глаз было что-то такое, что Ворона даже не решалась взглянуть. Потом принялась её уговаривать, словно ребёнка, но прошло довольно много времени, пока Лошадь наконец вернулась в этот мир.

Ворона отворила дверь сарая, и туда пролился дневной свет. С невидящими глазами Лошадь выползла из кабины, обошла автомобиль и стала толкать его сзади. Он мед-

ленно выкатился и остановился во дворе. Лошадь вздохнула и взглянула на Ворону. Та кивнула. Лошадь понуро забралась в кабину. Это была судьба — ничего не поделаешь.

Под руководством Вороны была совершенна новая попытка. Автомобиль злобно рывкнул и бросился вперёд. Лошадь в ужасе завопила и, зажмурившись, выпустила баранку. Колёса скользили на снегу, руль заклинило, и машина сама по себе стала выписывать по двору большой круг.

Лошадь на мгновение приоткрыла глаза, но тут же снова крепко зажмурилась, потому что и двор, и Ворона, и здание молокозавода

превратились в сплошную крутящуюся ленту: они перемещивались и сливались друг с другом, с лесом и голубым небом. В голове у Лошади совсем помутилось. Она лихорадочно шарила перед собой, тыча в какие-то кнопки на щитке. Внезапно автомобиль замедлил ход и совсем остановился. Лошадь сидела, вконец обессилев, и сжимала ключ зажигания. С минуту она была не в состоянии пошевелиться.

Дрожа, она выбралась из машины и попыталась идти. Но весь мир опять завертелся у неё перед глазами. Лошадь уселась в снег.

— Нет, — произнесла она слабым голосом. — Нет, нет и нет! Больше никогда в жизни не сяду в автомобиль. Клянусь.

Вскоре, однако, она вновь обнаружила себя в кабине. Ворона сидела рядом и, крича изо всех сил, преподавала. И Лошадь понемножку обучалась. Она крутила руль направо и налево, автомобиль ездил по кругу, восьмёрками и красивыми овалами. Лошадь даже пыталась заставить его сделать треугольник, но этого он, видимо, не умел. Лошадь была даже чуточку разочарована. Эта машина далеко не мастер по фигурному катанию, ну да что ж поделаешь. И она поддала скорости.

— Хо-хо, — кричала она, — посторонись, разные там ёлки-палки!

Раздался треск, и потом — мгновенная тишина. Машина врезалась в сугроб у стенки сарая и стояла неподвижно. Лошадь сидела в кабине бледная, судорожно вцепившись в баранку.

«Опять я сделала какую-то глупость», — упрекала она себя.

Ворона — после того как очнулась — прочла ей ещё один курс вождения на тему «Автомобиль и лошадь, или Несколько достойных внимания пунктов о разнице и сходстве между лошадиными силами (мотор) и лошадиной силой (овёс)». И после этого Лошадь превратилась в терпеливого и аккуратного шофёра.

Автомобиль подогнали к дверям, сыры по одному погрузили в кузов, и Лошадь приготовилась ехать. Но она была не одна — рядом с ней восседала напуганная, но очень решительная Ворона. Она постановила никогда больше не отпускать Лошадь без присмотра — никуда, даже вокруг дома.

Лошадь крутила баранку.

— Направо! — командовала Ворона. — Прямо! — говорила Ворона.

И автомобиль ехал. Лошадь, честно говоря, не разбирала, где право, а где лево, но дорога была узкая, и к тому же множество колёс за годы проложили в ней глубокие колеи, которые сейчас присыпало снегом. И куда бы Лошадь ни выруливала, автомобиль поворачивал вместе с колеёй. Они мчались всё вперёд, и настроение у Лошади было замечательное.

А потом они выскочили на большую дорогу, колеи кончились, и вдруг всё стало шиворот-навыворот: автомобиль на полной скорости заскользил к оврагу. Лошадь судорожно крутила баранку в разные стороны, но это не помогало. Бумц! — сугроб на обочине заставил машину описать красивую дугу.

— Тормоз! — завопила Ворона. — Газ! На право! Налево!

Лошадь нажимала на педали. А потом бросила управление, решив предоставить автомобилю действовать самому.

Мотор понял ситуацию и заглох. Автомобиль, дёрнувшись, застыл на месте. Ворона неистово каркала: да и по правде сказать, что ей оставалось делать? К тому же у неё была причина радоваться.

«Жизнь-то моя, золотко, всё же спасена! — думала она. — Теперь скорёхонько вон из машины и прямым ходом — домой!» Она повернулась посмотреть, как там Лошадь. И, встретив грустный взгляд, вдруг поняла, что не может вот так бросить её. Нет, надо снова попробовать. *«Кузнецом никто не рождается»*, — вспомнила она старую поговорку. И потом ещё: *«Как вошке кашлять, коли рёбер нету?»*

Ровно пять минут и двадцать одну секунду Ворона горячо и напористо уговаривала Лошадь. А потом они снова тронулись в путь.

Автомобиль завёлся как миленький, но теперь Лошадь ехала не торопясь, будто на соревнованиях по ходьбе. И вот далеко впереди замаячило большое красное строение. Авто-

мобиль приближался к нему с такой же скоростью, как и оно — к автомобилю.

«Оно что, тоже движется? — думала Лошадь. — Ведь так и проедет мимо нас!» И нажала на тормоз.

Машина остановилась, немножко поскользила на обледеневшей дороге и будто сама собой подрулила к магазину.

— СУ-ПЕР-МАР-КЕТ, — прочла по складам Ворона.

МИНИ-МАРКЕТ — гласила надпись выше.

И еще выше: КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ.

— Почему-то после этого не написано МАРКЕТ? — изумилась Ворона. — Это, должно быть, старая вывеска.

Во всяком случае, они были у цели. Наверняка магазин здесь, хотя этого слова нигде и не видно.

Лошадь откашлялась, натянула шапочку поглубже на уши и живописно перебросила конец шарфа через плечо. Она наверняка расчесала бы и чёлку, если бы нашлась щётка. Потом она взглянула для храбрости на Ворону, перевела дух и выбралась из кабины. Ворона не долго думая взлетела ей на

спину. Она решила следовать за Лошадью до победного конца.

Лошадь переступила порог: открываясь, дверь затренькала, как колокольчик. За прилавком стоял большой черноволосый дядька и смотрел, выпучив глаза, будто раньше никогда не видал лошадей.

— Добрый день! — застенчиво поздоровалась Лошадь.

— День добрый, — ответил Торговец, порешив ничему не удивляться. «Плевать на всё, лишь бы торговля шла!» — таково было его жизненное правило. Он ещё раз оглядел Лошадь и спросил как ни в чём не бывало:

— Из каких же таких мы будем краёв? Издалека небось?

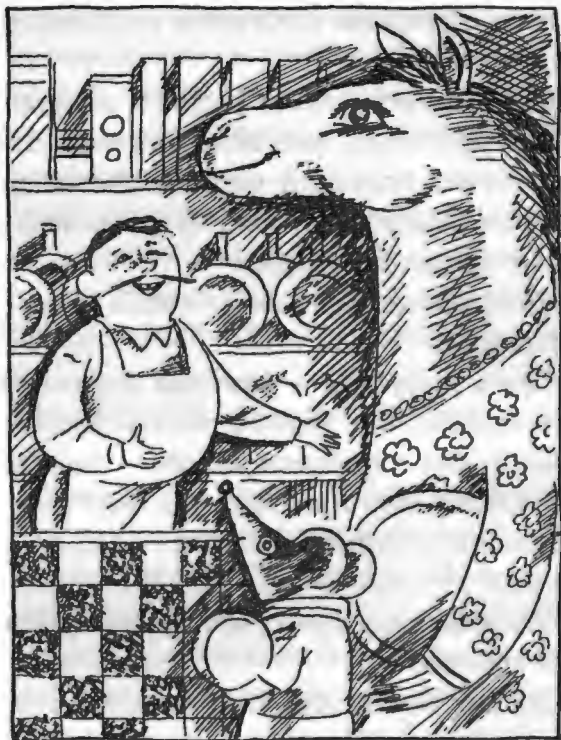
— Да не так чтобы уж очень издалека, — робко возразила Лошадь.

— Но ведь и не так уж близко? — допытывался Торговец.

— Да нет, — призналась Лошадь, чувствуя, что краснеет.

Они помолчали. Потом Торговец откашлялся и спросил:

— Вы того... По делам, видать?

— Ага! — опомнилась Лошадь. Ей очень захотелось сбежать из магазина, но взгляд Вороны пригвоздил её к месту. Надо было выстоять во что бы то ни стало.

— Ну-с, чего мы как бы изволим? — спросил Торговец. — Взвесим для начала кило эдак пять овса? Немножко пожевать?

— Д-да... — проямлила, заикаясь, Лошадь, — то есть нет! Всё дело в сырах...

— Ах в сырах, — как бы для верности повторил Торговец. — У нас есть эмменталь и голландский, но... А сколько надо-то? Полкило?

— Больше! — заикалась Лошадь. — Хоть сколько угодно кило! Только...

Но тут Торговец выкатил здоровенную головку сыра. Лошадь заволновалась. Всё вышло так, как она и предчувствовала. Теперь сыр покупать придётся ей, а вовсе не Торговцу. И, собрав всю свою храбрость, она заорала что было силы:

— Нет, не то! Стой! Я не хочу покупать! Я хочу продать!

Карандаш выпал у Торговца из-за уха. Он обалдело уставился на Лошадь: всякого он на своём веку навидался, но чтобы Лошадь торговала?! Нет! Тут было что-то тёмное.

— У меня там сыр, — продолжала Лошадь, — в машине. На заднем сиденье, то есть нет — в ящике... Минуточку!

И она потопала на улицу, очень довольная, что хоть ненадолго избавится от общества Торговца.

Тот смотрел ей вслед, не соображая ничегошеньки. Ещё меньше он понял, когда Лошадь приволокла ящик и затем понемногу стала вносить сыры, пока ящик не наполнился доверху.

— Вот! — объясняла Лошадь. — Сыры! Первоклассные. Только что приготовленные. Красивые. Домашние. Дружелюбные. И мы их сделали сами, — прибавила она с гордостью.

Ворона подкаркнула. Она ведь тоже немножко участвовала в этом деле.

Торговец только сейчас заметил сидевшую на спине Лошади Ворону. Он разинул было рот, но тут же снова его закрыл. Одна ворона в такой ситуации уже ничего не меняет — сидит себе ворона и смотрит. Такие же точно бывают жерди в изгороди или, например, берёзы. Торговец утёр пот со лба и взглянул на сыры.

— Нет, — сказал он, когда наконец обрёл дар речи, — видите ли... мы, знаете ли, в деревне... мы желаем совсем другого сыра. Такой сыр, конечно, продаётся в городе, а городской сыр опять же здесь. Но... — И он задумался. Он вспомнил, что в городе кроме

суеты было и кое-что другое. В городе были люди, покупатели, деньги! И его глаза загорелись, как два фонарика.

— Дааа... Конечно, по доброте сердечной я мог бы, скажем, заплатить за них пять марок.

— За штуку! — оживилась Лошадь. — Договорились. Круглая цифра.

— За всю кучу! — быстро сказал Торговец. — И то лишь потому, что у меня очень доброе сердце, — никак не иначе.

Лошадь до того огорчилась, что слёзы едва не брызнули у неё из глаз. С какой надеждой они отправились в дорогу, сколько времени и труда потратили на этот сыр — и вот, пожалуйста! Пять марок! Просто издевательство. Она, Лошадь, всё-таки и прежде деньги видывала — когда сочиняла рецензии на лошадиные книги. Денег, правда, и тогда было немного, но уж побольше пятака.

Она вконец растерялась — не могла вымолвить ни бе ни ме. И выйти не могла. Так и стояла.

С улицы донеслось кошачье мурлыканье автомобильного мотора и жалобный визг тормозов. Затем дверь хлопнула и в магазин

ввалился маленький мужичок. На голове у него была огромная меховая шапка, из-под которой виднелся только рот. Мужичок кинулся к прилавку, пыхтя, как кузнечные мехи.

— Лимонаду! Или какой уютно минералки — так, понимаешь, пить охота!

Торговец поспешно наклонился и выудил из коробки бутылку, но она вывалилась у него из рук, когда мужичок прорычал:

— Домашние сыры! Целый большущий ящик! Какие красивые!

Он схватил сыр и стал есть. Лошадь в ужасе смотрела, с какой быстротой сыр исчезает у него во рту.

Мужичок проглотил последний кусочек и объяснил:

— Моя мама родом из Похьянмаа¹. Моя дорогая матушка! Она делала такой сыр, когда я был маленьким. Второй такой замечательной матушки на всём свете нету — я искал. А этот сыр почти такой же вкусный. Я куплю весь ящичек и возьму с собой в город. Сколько стоит?

---

¹ Похьянмаа — область на западе Финляндии.

Торговец покосился на Лошадь; та силилась не отстать от событий, но мужичок опередил её.

— Минуточку! — закричал он и стал чертить ногтем по обёрточной бумаге. — Плачу две марки за штуку! — И принялся считать сыры. — Погоди-ка, сорок штук по две марки — это восемьдесят марок. Ну ладно, пускай будет сотня — уж больно хорош сыр.

И прежде чем Торговец или Лошадь успели вымолвить хоть словечко, мужичок ухватился за ящик и вскинул его на плечо. Лошадь глазам своим не верила. Как это коротышка может быть эдаким силачом?

«Люди всё-таки странные, — размышляла Лошадь, — не понимаю я их».

В дверях мужичок обернулся:

— Послезавтра я опять буду проезжать мимо. И хочу заказать опять столько же сыру. Я куплю, даже и не думайте возражать. Благодарствуйте! А лошадь-то красивая какая! В магазине, оно конечно, лошадей редко увидишь. В бегах-то участвует? А сколько стоит? Только сейчас, пожалуй, я купить не успею. До свиданья, и с наступающим вас Рождеством! Скоро опять встретимся! — И исчез.

Но на прилавке прямо перед Лошадью лежала сотенная купюра!

Ворона стремглав подлетела к прилавку, схватила деньги и вспорхнула обратно на лошадиную спину. Лошадь повернулась, чтобы уйти. В голове у неё гудело.

— Стоп! — спохватился Торговец. — Подождите! У меня есть предложение.

— И что же это за предложение? — спросила Лошадь пренебрежительно, но всё-таки остановилась. — Я, конечно, могу одну минутку послушать. Хотя мы спешим в магазин — надо купить всякой всячины. Так что прощай. — И Лошадь улыбнулась Торговцу так сладко, как только умела.

Торговец понял, что клиент может отколоться, как щепка от полена, и всполошился:

— Именно об этом я и хочу поговорить! Произошло недоразумение, я же просто пошутил! Ведь это магазин — купите здесь всё, что вам нужно. А в благодарность за это я буду приобретать ваши сыры. — И Торговец тяжело вздохнул. — Но учтите — это исключительно по доброте душевной. У меня слишком доброе сердце.

Лошадь призадумалась. Предложение вроде подходящее, если столковаться о цене. И Торговец с Лошадью начали переговоры, а Ворона вела протокол. Много бутылок лимонаду было выпито, немало пончиков с повидлом и пышек кануло в желудки Лошади и Торговца, спор шёл жестокий. Но в конце концов ударили по рукам: Лошадь победила со счётом 3:2. Торговец обязался всегда покупать сыры, если Лошадь будет делать покупки в его магазине. На том и порешили.

И Лошадь сразу же приступила к делу. В первую очередь были куплены пастилки от кашля для Вороны, потому что горло у неё всё ещё немножко побаливало. Себе Лошадь выбрала соломенную шляпу и кружевной зонтик — как-то нечаянно. Она уже представляла себя гуляющей по летней улице.

«Это будет выглядеть довольно мило», — подумала она. Потом ещё нужно было купить гостинцы всем домашним. Для Собаки нашлась сахарная косточка с мясом, для Ёжика — банка спаржи и лакричная палочка. Для Мыши Лошадь выбрала маленький автомобиль на пружине: Мышь может кататься на нём по полу.

«Ну всё!» — подумала Лошадь. Но тут она вспомнила о коровах.

— Коровы, что же коровам-то купить? — донимала она Ворону. Но та с увлечением сосала пастилку, и, что она говорит, разобрать было невозможно. Наконец Лошадь расслышала.

— Клубнику и чернику! — сказала Ворона. — Ведь каждому нравится собственное имя.

Лошадь спросила, найдутся ли в магазине ягоды, но Торговец покачал головой.

— У нас продаются только апельсины и бананы, — отвечал он. — Но это ведь одно и то же! Заграничные имена только, понимаешь? А означают то же самое. Это вроде бы как южные клубника и черника.

Лошади объяснение понравилось, и в два бумажных пакета погрузили апельсины и бананы, по килограмму. Теперь пора было расплатиться.

Торговец долго подсчитывал, а Ворона сидела рядом с ним и проверяла, всё ли правильно.

— Сто одна марка шестьдесят пенни! — объявил наконец Торговец. — Или ладно,

пусть будет ровно. Чистая сотня. Но это только из-за моего чувствительного сердца — я слишком добрый. Если так будет продолжаться, я могу разориться, — вы, конечно, понимаете?

Лошади сумма показалась даже чересчур знакомой. Но что поделаешь? Ведь Ворона не обнаружила в счёте ошибок. Таким образом, сотенная бумажка опять поменяла владельца. Торговец почти сиял. А когда Лошадь с Вороной собрались уходить, он поспешил распахнуть перед ними дверь и поклонился.

— Так до послезавтра! — сказал он, помахав им вслед. — Добро пожаловать снова! Не забывайте. В нашем магазине великолепные особые скидки!

Лошадь завела мотор. Торговец так и застыл на месте: откуда у лошади может быть автомобиль?!

«А вдруг это вовсе не лошадь? — подумал Торговец. — А если у неё внутри сидит какой-то человек и снимает всё скрытой камерой? Ну и что с того? Лишь бы торговля шла!» Торговец выудил из кармана стомарковую купюру и внимательно исследовал её. Нет, не поддельная, а настоящая, всамде-

лишняя. Он таких повидал немало. Сказать по правде, Торговец ни на что другое и не смотрел: он даже газет не читал.

Он бросил взгляд вслед автомобилю — тот был уже далеко, у кромки леса. Ещё можно было различить Лошадь и соломенную шляпу, но тут дорога повернула, и автомобиль пропал из виду.

Снег, медленный и лёгкий, падал с неба: как это случается иногда воскресным днём в самое тёмное время года — он и был единственным светом.

Разыгралась вьюга. Лошадь смотрела из окна, как на дорогу намечает сугробы, пока дорога попросту не исчезла: кругом лежало ровное белое одеяло.

И Лошадь, которая после поездки в магазин принимала поздравления, как пятидесятилетний юбиляр, закручинилась.

— Как же я попаду в магазин? — переживала она. — На автомобиле теперь не проехать. А сыры испортятся, если будут ждать слишком долго.

Лошадь забеспокоилась не на шутку. Она попросила совета у Вороны, которая со скуки забрела в дом. Ворона после минутного размышления позвала Собаку и предложила ей подумать, что делать. Собака подумала немножко и отправилась за Ёжиком. Ёжик пораскинул мозгами и собрался было узнать мнение коров, но потом вспомнил, какой

взгляд иногда бывает у Чернички и Клубнички, и счёл за лучшее спросить совета у Мыши.

Он заглянул в мышиную норку. Мышь стояла на коврике. На ногах у неё были лыжи. Она раскачивалась из стороны в сторону и свистела, изображая ветер.

«Мышь катается с горы! — догадался Ёжик. — Только почему она катается на коврике? Он же совсем плоский».

Увидев Ёжика, Мышь покраснела.

— А, привет! — небрежно бросила она. — Я тут слегка тренируюсь. Потому что зима. — И она с самым непринуждённым видом принялась отстёгивать лыжи.

— Стой! — завопил вдруг Ёжик: ему в голову пришла замечательная идея. — Почему бы нам не пойти на улицу? Ты возьмёшь свои лыжи, а я схожу поищу, не найдётся ли в сарае подходящих лыж и для меня. Кажется, я когда-то в детстве катался на лыжах. Нам будет так весело!

Мышь пыталась протестовать, но это ни-сколечко не помогло. По правде говоря, Ёжик просто выволок её во двор. И теперь они стояли посреди белого света — лёгкого, но холодного. У Мыши сразу же замёрзли щёки.

— Давай! — закричал Ёжик и сильно толкнул Мышь в спину. Лыжи заскользили вперёд, но тут же остановились — разгона не хватало.

— Эфф ты! — фыркнул Ёжик. — Тебе лучше, наверное, с горки кататься! — И он помог ей вскарабкаться на гребень большого сугроба. Как это было высоко! Мышь показала себе совсем крохотной и беспомощной. Она вдохнула побольше воздуха, оттолкнулась для скорости — и шлёпнулась в сугроб животом.

Ёжик вытащил её и поставил на ноги, но снег превратил Мышь в частицу пейзажа; виднелись только тёмные лыжи. Она чихнула и заявила:

— Похоже, что я схватила насморк. И вообще, пора домой. Я договорилась сыграть с Собакой пару партий.

— Пуфф! Чепуха! Сейчас попробуешь ещё разок!

Мышь почувствовала, что её опять поднимают на верхушку сугроба. У неё закружилась голова — ведь мыши не переносят высоты.

— Сними меня сейчас же! — заверещала она, но не успела оглянуться, как уже опять

очутилась в сугробе, правда на этот раз на спине.

От третьей попытки Мышь отказалась. Без лишних слов она скользнула к двери, но на пороге задержалась посмотреть, что будет делать Ёжик. Он нашёл-таки в сарае лыжи и

как раз надевал их. Потом выбрал подходящие палки и бодро зашагал вперёд. Скоро он был уже далеко в поле.

— Э-ге-ге-еей!.. — донёлся оттуда его крик. — Вот так Ёжик бежит на лыжах и смотрит на мир!

И крик пропал в снежном далеке, по ту сторону белого снегопада.

Собака, поглядев в окно на Ёжика, тоже загорелась: она как бы нечаянно забежала в сарай и вскоре уже стояла на дворе с лыжами. Теперь осталось только застегнуть крепления и взять палки. Оттолкнувшись, Собака сделала пару длинных шагов — и с бешеной скоростью помчалась по лыжне, проложенной Ёжиком.

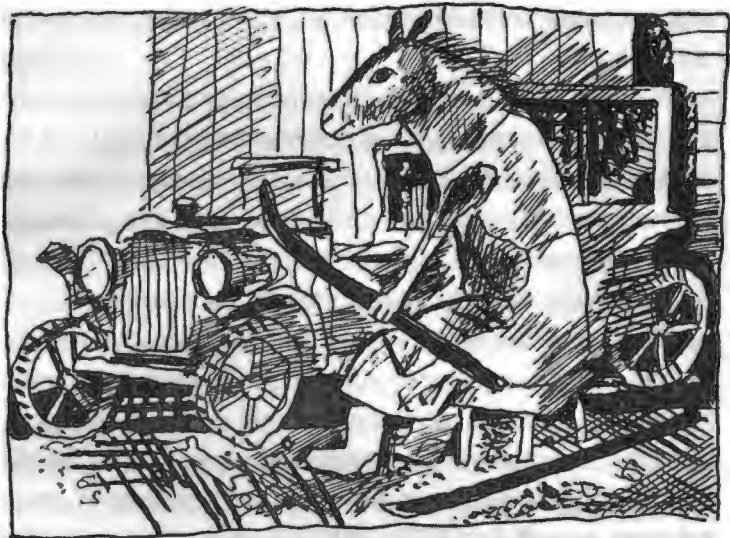
Лошадь расстроилась. Она просит совета в трудную минуту — и вот, пожалуйста, результат. Общее дело погибает, а им хоть бы хны. Наоборот — пошли себе развлекаться. Вот какова награда за всё, что она, Лошадь, изобрела и сделала, за то, что продала сыры, получила деньги, купила подарки!

...Она начала сердиться по-настоящему. И могла бы натворить неизвестно что, если

бы её размышления о лыжах не повернули совсем в другую колею: ходить по снегу тяжело, но на лыжах-то можно бегать прекрасно! На автомобиле никак не проедешь, а на чём же?.. Она думала, думала... И вдруг её осенило: а что если автомобиль тоже будет на лыжах?

Лошадь сломя голову кинулась в сарай и всё там переворошила. Она нашла широкие деревянные лыжи, цепи, гвозди, болты и гайки и даже старый проволочный кошель для ловли рыбы. Косель она бросила на произвол судьбы — по-прежнему полёживать на боку, — а всё остальное притащила к автомобилю. Потом долго мастерила, крутила и вертела, приколачивала, завинчивала, пыхла и потела. Наконец всё было готово.

Когда Собака с Ёжиком, набегавшись до изнеможения, притащились к сараю поставить лыжи на место, навстречу им из дверей выкатилось нечто невообразимое. Нечто невиданное, но странно знакомое. Это чудище сильно смахивало на автомобиль, только вместо передних колёс у него были лыжи. А на задние колёса были намотаны толстые цепи.

Лошадь газанула, и лыжемобиль поехал. Он легко заскользил по снежному полю, описал плавный круг и остановился перед изумлёнными зрителями.

— Действует! — ликовала Лошадь. И тут же пригласила друзей поучаствовать в испытательной поездке. Уговаривать долго не пришлось. Казалось, весь мир вдруг распахнулся и встал на лыжи.

Лошадь была так счастлива, что решила тоже попробовать: когда вернулись обратно, она откопала в сарае самые большие лы-

жи, какие только нашлись, и ринулась на лыжню.

Вначале она спотыкалась на каждом шагу, но понемножку наловчилась и даже вызвала Ёжика и Собаку на соревнование. На середине дистанции Лошадь ещё опережала всех, но потом Ёжик её обошёл.

Лошадь готова была лопнуть с досады.

«Как эдакое крохотное и колючее существо могло победить такую статную и красивую лошадь, как я?» — негодовала она. И Лошадь запрягла лыжи подальше, решив, что больше кататься на них не станет: то, что годится для ежей и автомобилей, не обязательно подходит лошадям.

С наступлением сумерек в зале развели большой костёр. Ёжик приготовил чай и поднёс Лошади кружку. Каждая её жилочка постепенно согревалась, она чувствовала, как сон и покой растекаются по всему телу. Как хорошо было и до чего вкусный был чай! Лошадь сперва грызла сухари, а потом, сама не заметив, уплела целый пакет овсяных хлопьев. Ёжик мурлыкал себе под нос и казался таким счастливым, что Лошадь почти забыла о своём поражении. Ведь

он так долго был печальным — слишком уж долго.

Чуть позже все воодушевились и принялись музицировать. Лошадь отбивала такт. Коровы аккомпанировали. Собака присоединялась к хору в самых громких местах: она выводила дрожащим голосом высокие ноты и подвывала. В костре пылало корневище какого-то душистого растения, и нежный запах дыма витал в зале, как воспоминания о прошлом — дорогие и тёплые.

«Дом, — думала Лошадь, — теперь это мой дом. Наш. Вначале незнакомый и чужой, немножко даже неудобный. А потом — позже, когда я буду уже далеко, — он станет местом, куда тянет вернуться».

Лошадь гулко выбивала ритм по днищу бочки, Ёжик меланхолично дудел на расчёске, коровы мычали басом, причём Черничка в каждой паузе съедала по банану. А Собака пела о счастье и любви такие грустные песни, что на глаза Лошади поневоле навёртывались слёзы.

А снег всё падал и падал. Но в один прекрасный день метель утихла, облака исчезли и выглянуло солнце. Заиндевелые деревья вздрагивали и выпрямляли ветви, и снег, который с них осыпался, казался лёгким, как воздух. Ёжик ликовал. Он катался на лыжах и наслаждался от всей души. Лошади с трудом удавалось залучить его коптить сыр. Ёжик был очарован снегом и лесом, потому что все прежние зимы он проводил в спячке. А ведь когда впервые видишь и испытываешь что-то на самом деле прекрасное, оно захватывает и уносит тебя наподобие водопада.

Совсем по-другому было с Собакой. Хотя дела шли теперь прекрасно и Лошадь покупала в магазине всё, что нужно, так что банки с консервами могли спокойно расти под снегом, Собака временами впадала в тоску. Она вспоминала свою прежнюю жизнь, пе-

щеру и своего друга — Пожарного Сторожа. И тогда её переполняла такая грусть, что даже вырезывание фигурок не помогало. Тогда Собака сидела, уставившись на огонь, совсем как Ёжик прежде.

Лошадь переживала из-за Собаки и ломала себе голову, придумывая, чем бы развлечь её, но напрасно. Только иногда, закончив новую фигурку, Собака ненадолго оживлялась. Но вскоре уныние опять застилало её глаза, как осенний туман.

Лошадь тайком изучала творения Собаки. Фигурки изменились — они тоже стали печальнее и тише. Маленькие одинокие щенки смотрели куда-то вдаль. Одна из скульптур изображала старую собаку. Она лежала у большого валуна, а вдалеке виднелся уходящий хозяин. Лошадь даже растрогалась. И одновременно кое-что надумала.

— Почему бы тебе не показать эти скульптуры людям? — спросила она у Собаки.

— Как же я их буду показывать? — сказала Собака отсутствующим тоном. — Ведь никто не догадается забрести сюда. А если бы и забрёл, нам бы худо пришлось. Уж я-то людей знаю.

— Это правда, — согласилась Лошадь, — я об этом как-то не подумала.

И они продолжали размышлять молча.

— А что если спросить у Торговца? — подумалась Лошадь наконец. — Чтобы мы могли выставить скульптуры в его магазине.

Сначала Собака нисколько не заинтересовалась этой идеей.

«Люди! — думала она. — Придут, посмотрят и нос задерут. Подумают: „Фу, ерунда — такое любой может сделать!“ Зачем мне такое унижение?»

Но чем больше Лошадь толковала о выставке, тем сильнее Собаке хотелось попробовать осуществить эту идею. Она уже с нетерпением ожидала, когда придёт день очередной поездки в магазин. И когда этот день наступил, Собака уселась в кабину рядом с Лошадью. Места там хватало, потому что Ворона давно уже не участвовала в магазинных рейсах. Она затеяла играть в шахматы по переписке с вороном, живущим в Лапландии. Обдумывание ходов и отправка писем занимали теперь всё её время — тем более что ворон всё время выигрывал. И это задевало самолюбие Вороны.

Лошадь так лихо подрулила к магазину, как будто делала это с давних пор. Торговец встретил их радостно: на сыры оказался неожиданно большой спрос, и он втайне от Лошади поднимал цены, а разницу клал в собственный карман. Поэтому теперь при виде Лошади он всегда приходил в хорошее настроение.

— Ага, уважаемая Лошадь! Здравсьте вам! Сыры найдутся?

— Да! — произнесла Лошадь торжественно. — И кроме них ещё кое-что!

Тут Торговец заметил Собаку.

— Да, и в самом деле — пёсик! Сколько стоит?

Собака возмутилась до глубины души. И Лошадь, догадавшись, каково ей, поспешила ответить:

— Нет, тут вопрос поважнее. Видите ли, Собака у нас вроде как художник. То есть скульптор. Она делает деревянные скульптуры. И сейчас нам бы хотелось их выставить. Это возможно здесь, у вас?

Торговец чуть не прыснул со смеху, глядя на Собаку. Но прибыль, которую он получал благодаря сырам, заставляла его физиономии сохранять каменную серьёзность.

— Чего там, — сказал Торговец, — валяйте! Когда угодно. Если насчёт цены сговоримся. Я слышал, что так принято.

Собака заворчала. Она чуяла, что Торговец не принимает их всерьёз. Лошадь поспешила на помощь. Она отвела Торговца в сторонку и стала с ним шептаться. После минутного совещания полдела было сделано. Оставалось только назначить день открытия выставки.

Собака задумалась: «Фигурок и сейчас достаточно, но... пожалуй, надо бы сделать ещё одну или парочку... И надо бы некоторые ещё чуть-чуть отделать». Она никак не могла принять решение. В конце концов она неуверенно выговорила:

— Завтра... послезавтра... через неделю...

Больше Собака не соглашалась промолвить ни словечка и стояла, упорно глядя в землю. Так что Лошади пришлось договариваться вместо неё. Открытие выставки назначили через неделю.

Когда вернулись на молокозавод, Собака раскапризничалась.

— У меня ничего ещё как следует не готово, — бурчала она. — Куда я полезу! Это твоя вина, — упрекала она Лошадь. — Затея кон-

чится полным крушением! Надо мной все будут смеяться!

Лошади пришлось долго убеждать её, что дело совсем не так плохо. Собака то верила, то не верила. Однако она с жаром принялась за работу: писала приглашения и даже вырезала из осинового чурбака большую фигуру, которую назвала «Собачья жизнь». Но случилось, что она долгими часами лежала в постели, не ела и даже не пила чаю — просто лежала. И в глазах у неё тогда светилась бездонная тоска.

Но Лошадь тревожило не только поведение Собаки. Правда, с Мышью у неё пока не было никаких хлопот. Ёжик целыми днями носился на лыжах и, похоже, наслаждался жизнью. А Ворона однажды чуть было не выиграла партию в шахматы у лапландского ворона. Зато начались неприятности с коровами.

Они стали капризничать и давать меньше молока. Черничка даже один раз чуть не лягнула Собаку, когда та по рассеянности слишком сильно потянула её за сосцы. Клубничка всё время дулась и, что ещё хуже, иногда ночью принималась уныло мычать; Лошадь из-за этого мычания не могла спать.

И Лошадь собралась побеседовать с коровами по душам.

«Жить вместе с другими порою бывает слишком хлопотно, — размышляла Лошадь, — одной гораздо легче. Погоди, — возразила она самой себе, — если вспомнить хорошенько, то это было совсем не так уж весело. Сколько я ни ждала, никто не звонил в дверь и не приходил в гости. И письма тоже никогда не приходили. Только денежные переводы — но в них ведь никаких приветов и пожеланий обычно не бывает. Единственными моими друзьями, выходит, оставались книги».

Лошадь осторожно подошла к коровам. Черничка неприветливо покосилась на неё, и Лошадь тут же смутилась.

— Я... это... — торопливо сказала она, — пришла немножко побеседовать.

— Спасибо большое! — рявкнула в ответ Черничка. — Только напрасно ты пришла! Разве наша жизнь тебя волнует? Тебе бы только молоко получать, а о нас-то зачем беспокоиться!

— Нет, что вы, милые, — всполошилась Лошадь, — это какое-то недоразумение! — И ре-

шилась спросить напрямик: — Скажите честно — что случилось, что не так?

Коровы молчали. Но когда Лошадь повторила вопрос, Клубничке показалось, что та и в самом деле хочет услышать правду. И Клубничка сказала:

— Здесь тоскливо! Меня никто не похлопывает по бокам и не гладит. И мы ужасно соскучились по прежним хозяевам. Где-то они теперь?

— Коровник был нашим домом, — вставила Черничка. — Правда, он сгорел, но это был всё-таки родной дом. Здесь у нас нет никакого занятия — разве только жевать сено да молоко давать. Разве это можно назвать настоящей жизнью?

Лошадь поняла, что коровы говорят серьёзно. Что-то нужно было для них придумать. У всех есть свои дела, даже у Мыши, хотя и неизвестно толком, чем она занимается. А коровам действительно нечего делать — ну совсем нечего.

«Скучно! — повторила Лошадь про себя, как будто пробуя это слово на вкус. — Мне тоже раньше было скучно. Но здесь это случается всё реже. Когда много работы, не успеваешь

думать. Хотя время от времени вспоминаются дом и книги». И Лошадь глубоко вздохнула. Да... Это всё осталось в далёком прошлом.

— Хотите, я привезу вам из магазина что-нибудь симпатичное? — попыталась она задобрить коров.

— Как угодно, — отвечала Клубничка, — только не еду и не апельсины. Они у меня уже поперёк горла становятся.

«Что же ещё найдётся в магазине, кроме еды и апельсинов? — ломала голову Лошадь. — Кастрюли, сковородки, вилки-ложки? Нет, не годится. Пилы, молотки и гвозди? Опять не то. Мелки, карандаши, резинки? Наверяд ли. Тетради, книги, газеты? Гм... Как они насчёт книг?»

— А что если я привезу вам книги? — предложила она. — Рассказы о коровах и стихи. Ведь зима длинная, и время тащится медленно, если нечем заняться. Книги помогут. Из них можно научиться чему-то новому, тогда и старое видится немножко в ином свете... Я когда-то много читала, но потом бросила, — прибавила Лошадь застенчиво.

— Почему? — полюбопытствовала Черничка.

Лошадь объяснила:

— Я потеряла очки. Потому я здесь и очутилась. Без очков я совершенно не могу читать.

— А мы-то как же? — спросила Клубничка и шумно вздохнула. — И во-вторых, с очками или без — на что коровам книги? Ведь коровы не умеют читать! Кроме того, коровы и так умные, они знают всё-всё. Им совсем и не требуются книги.

Лошадь искренне возмутилась:

— Не умеете читать? Но вы же должны уметь! Как же вы стали взрослыми? Никогда не слыхивала ничего подобного!

Клубничка устала на неё уже совсем угрожающе, но, к удивлению Лошади, Черничка успокоила подругу. Ей показалось, что Лошадь говорила разумно. По правде сказать, совсем не мешает научиться грамоте, хоть она и не нужна... но хотя бы для приличия. Чтобы другие не смеялись.

И Черничка буркнула:

— Ладно, согласны. Научи нас читать. Обещаю стараться.

Лошадь пришла в замешательство. Она во все не считала себя хорошим учителем. Но

всё-таки. Кому-то ведь придётся их учить. Кто же справится с таким трудным делом?

Лошадь начала спрашивать у всех подряд. Ёжик сразу отказался, сославшись на своё увлечение лыжами. Собака — что же Лошадь, не знает, что ли! — готовилась к выставке. Мышь и хотела бы преподавать, но коровы просто не могли расслышать, что она пищит. Вдобавок они всё ещё побаивались мышей.

Оставалась одна Ворона.

— Вас будет учить Ворона, — объявила Лошадь. — По крайней мере надеюсь, что будет. Если мы очень вежливо попросим.

Ворону с трудом удалось выманить из гнезда. Похоже, ей не особенно хотелось возиться с коровами. С другой стороны, в её шахматной переписке наступил перерыв. Незнакомый орёл по оплошности съел почтового голубя вместе со всеми письмами, и ответ Вороны не дошёл до Лапландии. Если бы она об этом знала! Ворона же была уверена, что её последний ход был настолько гениален, что соперник до сих пор обдумывает ответ.

«Какая всё-таки я молодчина!» — восхитилась Ворона. И согласилась учительствовать.

Потому что такую важную работу никто другой делать не сумеет.

Для начала Ворона отыскала в сарае длинную палку и принялась выстругивать из неё указку. А когда указка была готова, попросила у Лошади картон и клей. Она усадила Лошадь разделить картон на квадратики, а сама в это время вырезала из красной бумаги буквы. Потом наклеила каждую букву на отдельный картонный квадратик.

— Так даже корова научится читать, — воодушевилась Ворона. Она раскидала буквы в полном беспорядке и стала читать по складам, что получилось: — ПУУКР-ЛАП-ВОС-ПЯ! Хм... Мама меня совсем не так учила.

Ворона всё пыталась вспомнить, как же её учила мама, и наконец её осенило: она нашла букву К и положила её первой. За ней Ворона положила букву О, потом Р, О, В и последней — А.

Вот так! Ворона гордилась собой. Всегда лучше начинать с самого знакомого слова. Она была уверена, что именно это слово заинтересует коров по-настоящему.

Коровы совсем не такие, какими кажутся с виду. Их, конечно, не примешь за профессоров, и трудно поверить, что их задумчивые и медлительные челюсти способны перемалывать что-либо, кроме еды. А коровьи глаза! Эта тихая печаль, омут, в котором отражается чувствительная душа. По крайней мере, никак нельзя вообразить, что корова может быть мыслителем.

Но это совсем не так. Уже через неделю после начала занятий Ворона отказалась обучать коров. Потому что они теперь стали учить свою учительницу. Пока Ворона обдумывала, как ответить на вопрос Чернички, Клубничке уже не терпелось получить ответ на свой.

Их читательское рвение не знало предела. В ход пошло всё — от потрёпанных школьных учебников до газет и книг по искусству.

Лошадь натрудила спину, таская чтиво для коров. Торговец продал ей даже старые бумажки, которые валялись у него на чердаке, а коровы требовали ещё и ещё. Газеты исчезали молниеносно. Когда никто не видел, Клубничка смаковала новости дня. Газетная бумага была необыкновенно вкусной.

Лошадь исподволь наблюдала за коровами: ничего подобного она просто не ожидала. Когда она проходила мимо в рассеянной задумчивости, Клубничка могла вдруг спросить:

— А сколько государств в Африке? Сколько стоит кило морковки на базаре в Хельсинки? Или: где центральная точка Финляндии?

А Черничка поддакивала ей басом, как органная труба. Лошадь была в таком замешательстве, что вскоре стала обходить коров подальше. И бедняжке Собаке, обязанной доить коров, доставалось больше всех. По вечерам она, притулившись где-нибудь в уголке, бубнила про себя ответы на коровьи вопросы: «Древнегреческий бог моря...», «Линия Маннергейма...», «Филиппинское захоронение...»

Лошадь ничегошеньки не понимала из того, что бубнила Собака.

«Честно говоря, со всем этим пора бы уже кончать», — думала она.

Но вот наступил день открытия выставки. Сама Собака давно уже забыла эту дату, потому что её голова была занята вопросами коров. И если бы Черничка не прочла Собаке вслух её же пригласительного билета, та бы и не вспомнила про собственную выставку. Можно было даже подумать, что Собака хотела бы забыть о ней.

— «ВЫСТАВКА. ДЕРЕВЯННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. СОБАКА ПРИГЛАШАЕТ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ», — прочла Черничка и тут же съела всю пачку пригласительных билетов. Собака позабыла разослать их по почте.

— Кошмар! — ужаснулась Собака, когда осознала, что происходит. — Это ведь сегодня! А все скульптуры ещё здесь. Что делать? Отменяется! — завопила она. — По причине болезни автора! Сердце! У меня боли! Огромные! С гору!

Лошадь кинулась помогать. Она созвала Ёжика, Мышь и Ворону на экстренное сове-

щение. Коровы тоже навязались — ни у кого просто не было сил возражать им. Вместе с Вороной они срочно принялись рисовать большое объявление. Там было сначала написано:

Художественная выставка

а потом:

Eksibitio Art

потому что Черничка хотела непременно показать своё знание иностранных языков. Вороне было не слишком приятно, но что поделаешь? Мрачно нахохлившись, она раскрашивала буквы.

Ёжик с Мышью прикрепляли к скульптурам таблички с названиями, а Лошадь тем временем во дворе заводила лыжемобиль. Одна Собака ничего не делала, а только лежала под попоной и охала. Она решила никуда не ехать: вся затея с выставкой с самого начала была сплошным заблуждением.

Но вышло по-другому. Не успела Собака опомниться, как уже сидела в машине — в варежках и шерстяной шапочке. Лошадь

бодро крутила баранку и напевала: «Весна придёт, и оживут деревья, пни, кусты — искусство сеет там и тут прекрасные цветы!»

Солнышко впервые пригревало по-весеннему, и воздух был свежий и чистый.

— Никогда... — ворчала Собака. И минутой спустя: — Брошу... Пропала моя головушка... — И наконец, после долгого молчания: — Погибла... погибаю... как собака! — И она закрыла глаза. Потому что была совершенно не в силах держать их открытыми.

Но Лошадь уже разворачивала лыжемобилль у магазина. И в несколько мгновений Собака оказалась внутри вместе с экспонатами. У дальней стены был сооружен помост, и на нём Собака расставила свои скульптуры. Мышь проверила этикетки с названиями. Ёжик приволок стул, превратив его в билетную кассу. Торговец, по просьбе Лошади, пошёл прикреплять над входом в магазин объявление о выставке.

Собаку усадили в кресло-качалку рядом с помостом. Она таращилась остекленевшими глазами перед собой и молчала. Казалось,

что она вообще не понимает, где она и что происходит.

Потом они все стали ждать прихода посетителей. Лошадь волновалась. Она от всей души надеялась, что всё пройдёт хорошо.

— Ради Собаки, — бормотала Лошадь, — она же так много трудилась! Даже одно словечко похвалы могло бы ей помочь!

Старенькая бабуля в платочке вошла в магазин, шаркая и пыля снегом. Она прошаркала напрямик к прилавку и попросила кило соли и бутыль керосина для лампы. Получив

покупки, бабуля погрузила их в кошёлку и повернулась было к выходу, но тут её взгляд упал на Собаку.

— Чтой-то у вас тут собака делает? — спросила бабуля. — На улице ей, видать, холодно... Чтой-то я её раньше не примечала... Чья собачка-то? И с чегой-то она у вас в качалке сидить?

— Это ничья собака! — торжественным тоном сказал Торговец. — Это совершенно своя собака.

Бабуля обрадовалась:

— Вот хорошо-то! Теперь моя будет! А то одной-то скушно. Пойдём-ко, собаченька, со мной!

Собака ужасно испугалась, и Лошадь тоже.

— Стой! — закричала Лошадь. — Плати за вход! Со взрослых одна марка, собаки — бесплатно! Билеты можно купить у Ёжика. А без билета нельзя!

У бабули даже ноги подкосились. Говорящая Лошадь! Ничего не соображая, бабуля послушно вынула из кармана денежку и дрожащей рукой протянула Ёжику. Тот выдал ей взамен бумажку, на которой было только два слова: ВХОДНОЙ БИЛЕТ.

— Сюда, пожалуйста! — пригласила Лошадь. Она теперь чувствовала себя гораздо спокойнее, потому что бабуля больше не сме-
ла и взглянуть на Собаку. — Вот здесь первая скульптура. Её сделала наша знаменитая художница Собака. Это её последняя работа, называется «Собачья жизнь». Она стоит недорого. Всего двести сыров... ой, то есть марок!

Бабуля даже не охнула, а только молча ходила и недоуменными глазами оглядывала выставку. Но она так ничего и не сказала — смотрела, и всё. А выйдя на улицу, ещё долго простояла неподвижно, прежде чем отправилась на самокатных саночках в сторону своей избушки. На все случаи жизни слов не напасёшься.

Лошадь огорчилась. Бедная Собака — как она, должно быть, разочарована! Но тут Лошадь взглянула на неё и поразились: похоже было, что Собака даже испытывает облегчение. Откуда же Лошади было знать, что первый посетитель всегда самый трудный, а потом уже всё продолжается как бы само собой. Собака даже встала с кресла. Она решила сама водить гостей по выставке.

Когда в магазин вошли маленькая девочка и мальчик ещё помладше, Собака уже была полна энергии.

— Сюда! — закричала она. — Детям вход бесплатный!

Она водила детей от фигурки к фигурке, а в конце остановилась, чтобы услышать, понравились ли детям её скульптуры. Но нет, и они молчали, наверное с перепугу, а может, вообще были неразговорчивые. И чем больше народу заходило в магазин, тем яснее становилось одно: никто не проронил ни словечка! Один старичок, правда, долго болтал, но он принял фигурки за каких-то своих знакомых, расспрашивал их о самочувствии и распекал за то, что те не желали поздороваться:

— Вот какой никудышный стал этот свет — друзья спиной поворачиваются!

Собаку это нисколько не утешало.

«Кошку учат таской, а собаку — лаской»... Что же будет, если никто так и не скажет доброго слова? Когда посетители стали убывать, а свет всё быстрее убегать за край леса, оставалось только одно: свернуть экспозицию. От жалости у Лошади было тяжело на душе.

— По-моему, это была замечательная выставка, — сказала она. — Просто неучёные люди не понимают искусства животных. Им не хватает настоящей образованности. Но мы тебя понимаем, Собака.

Ворона и Ёжик дружно подтвердили это; Мышь тоже старалась погромче хвалить Собаку, чтобы та расслышала. Но всё было напрасно — Собака лишь тяжело вздыхала.

— Спасибо, что вы так добры ко мне, — сказала она, — но это не поможет. Я больше никогда не вырежу ни одной фигурки. Какой в них смысл? Зря попорчена хорошая древесина. Они только и годятся что на растопку для костра.

Собака так погрузилась в свои мысли, что не услышала, как отворилась дверь и вошёл бородатый старик. Заметив Собаку, он вздрогнул. Потом незаметно подошёл к ней сзади и положил руку ей на спину.

Собака обернулась и уставилась на пришельца, глаза у неё сделались огромные, как колёса. Ничего не было сказано, но мысли заполнили воздух — так что едва оставалось чем дышать.

— Собака... — сказал затем старик.

— Пожарный Сторож... — выдохнула Собака.

И потом уже говорилось много слов; Торговец заговорил тоже. Он хотел ещё поторговаться с Лошадью и Собакой о величине счёта за выставку, но его никто не слушал. Были дела и поважнее.

Наконец, когда с приветствиями и новостями было покончено, Пожарный Сторож в сопровождении Собаки обошёл выставку. Он кивал, очень довольный, и Собака воодушевилась:

— Вот эту работу я сделала неделю тому назад, а ту — две недели. Они как бы противоречат друг другу. Мне хотелось найти что-то глубокое, настоящее. А вот здесь я пыталась нащупать что-то новое, и, по-моему, получилось неплохо.

И когда Пожарный Сторож уверенно подтвердил, что так оно и есть, глаза Собаки за сверкали, как фары грузовика. Пожарный Сторож понял её! Пожарный Сторож согласен с ней! Пожарный Сторож — самый умный человек в мире!

— Мы спасены! — ликovala Лошадь и на радостях заплясала с Ёжиком польку. Торго-

вещ стал громко протестовать, но Ворона подлетела, подхватила его слова и вынесла их по одному на улицу. Только в темнеющем лесу слова зазвучали, послышалось: «Деньги... сию минуту... оплатите... счёт».

А потом звуки заблудились в оснеженных кустах и пропали навсегда.

Собака дала Пожарному Сторожу свой новый адрес. Скоро наступит весна, и Сторож снова начнёт работать в лесу. Он ничего не сказал, но видно было — ему хотелось, чтобы Собака была тогда рядом, и она это поняла. Пожарный Сторож пообещал писать и узнавать новости, простился с Собакой, встал на лыжи и направился к лесной опушке. Там он обернулся и ещё раз помахал им.

— Мы ещё увидимся! — крикнул он. — Будьте здоровы все! Приходи как-нибудь повидаться! — И исчез. Остались только узкая лыжня да следы лыжных палок на темнеющем снегу.

Когда добрались до дому и выпили чаю, Собака поблагодарила всех. Она говорила с трудом, — может, дым костра попал Собаке в глаза?

— Спасибо за помощь, — произнесла она тихим голосом. — Огромное спасибо.

И она протянула каждому пакетик. Лошадь сразу же развернула свой и ахнула: ей навстречу улыбнулась выструганная из дерева резвая лошадка. У Ёжика в руках был крохотный ёж, а Ворона раскачивала на нитке воронёнка. Коровы и Мышь тоже получили свои фигурки; фигурка Мыши оказалась размером с неё.

«Лошадка... — думала Лошадь и смотрела на фигурку, вконец растроганная. — В точности такой я и была когда-то».

Она подошла к Собаке и обняла её. Собака смущённо потупилась и сделала вид, что ничего особенного не происходит. А Мышь снизу кричала «Спасибо!» так громко, как только сил хватало.

Подул вольный, тёплый, южный ветер; снег стал тяжёлым и влажным. Когда Лошадь вышла на улицу подышать воздухом, снег сразу же налип на копыта. Она наклонилась и слепила снежок.

«Смотри-ка, — вспомнилось ей, — точно такими я играла когда-то давно».

И она зашвырнула снежок высоко-высоко. Послышалось сдавленное карканье: снежок угодил прямиком Вороне в постель.

— Прости, пожалуйста, — извинилась Лошадь, — я больше не буду.

Лошадь галопом поскакала вокруг дома и потом запутала свои следы: обежав полный круг, она отпрыгнула в сторону и на цыпочках отошла подальше.

«Теперь буду опять делать, что мне нравится, не боясь Вороны», — сказала она себе. И принялась катать снежок. Он катался

и катался, пока не стал таким огромным шаром, что его невозможно было сдвинуть с места. Она оставила этот шар и начала катать следующий. Через некоторое время двор был уставлен снежными шарами. Из них можно было бы даже построить снежную крепость! Лошадь позвала на подмогу Ёжика и Собаку.

Но им пришлось скатать ещё множество больших и маленьких шаров, прежде чем крепость была готова. Совершенно замечательная — там были крепостные рвы, и башня, и всё! На башне развевался большой коричневый флаг, сшитый Ёжиком из старого мешка. На флаге даже издалека можно было разглядеть надпись большими чёрными буквами:

***Вкусно-моловод —
щасте всех зверей!***

Флаг гордо реял по ветру и старался поведать о чём-то хорошем — но, разумеется, только тем, кто захочет смотреть.

Лошадь, совершенно счастливая, предложила поиграть в снежный бой; остальные со-

гласились. Но когда они стали делиться на команды, возникли кое-какие проблемы. В конце концов договорились, что Собака, Ёжик и Ворона будут сражаться на одной стороне. В команде Лошади, кроме неё самой, оказалась только Мышь.

Коров и вовсе не стали звать. Всё утро они капризничали даже больше, чем обычно, потому что Черничка вычитала в какой-то книге про животных обидную для коров фразу. Еле-еле подпустила Собаку подоить. Напрасно ей втолковывали, что эту книгу не Собака написала. Черничка не желала ничего слушать — она жаждала мести.

Лошадь покосилась на Мышь, которая лепила про запас крохотные снежные шарики, и поняла, что воевать ей придётся в одиночку. И точно: первый же брошенный Собакой снаряд накрыл Мышь целиком — до самого кончика хвоста. Когда Мышь кое-как откопалась, она тут же юркнула домой — в норку. Она сидела в кресле мрачная и думала: оказывается, очень много на свете таких дел, которыми мыши могут заниматься только в мышьиной компании. А все остальные — слишком большие.

Но у Лошади не было времени размышлять о мышинных чувствах — ей же надо было штурмовать крепость. Она пригнулась и пошла на приступ сквозь град снежков. Вперёд, к победе!

Лошадь уже добралась до ворот крепости и хотела было прорваться во двор, но тут случайно бросила взгляд наверх.

В самую последнюю секунду успела она отскочить в сторону: огромный-преогромный снежный шар, который Собака с Ёжиком столкнули со стены, грохнулся на землю совсем рядом. Ворона даже каркнула с досады: она неверно рассчитала траекторию снаряда. Лошадь вновь кинулась в атаку и оказалась внутри крепости. Собака и Ёжик тем временем улепётывали во все лопатки. Лошадь ликовала:

— Я победитель! Трепещите, враги!

Ворона безжалостно бомбардировала её, но Лошади казалось, что это просто снегопад. На этом сражение и кончилось, хотя Лошади очень хотелось продолжать. Теперь она знала, что снежный бой — самая чудесная игра на свете.

Но в одиночку в неё не поиграешь. Когда Собака ушла в дом, а Ёжик, натерев лыжи мазью, отправился в лес, Лошадь наконец-то утомилась.

«Иногда почему-то немножко грустно, — думала она. — Не знаешь, куда голову приклонить. С чего бы это?»

Лошадь бродила по залу, время от времени переходя на галоп. Коровы поглядывали на неё с осуждением.

«Ах, лошади, лошади! — говорила про себя Черничка. — Вечные дети! Жаль, что в лошадях нет той серьёзности и глубины, что у коров».

Черничка подошла к металлической молочной цистерне и полюбовалась своим отражением. Ведь красивая корова — это самое прекрасное зрелище на свете.

Лошадь предложила Собаке поиграть в кегли, но та отказалась. Собака уже вовсю обдумывала планы на лето.

«Сначала переселюсь обратно в мою пещеру, а уж потом буду решать, как жить дальше. Хотя покинуть это место тоже нелегко. Мне здесь было хорошо, — размышляла она, глядя на Лошадь, — все так по-доброму ко мне относились».

— Эх, — огорчалась Лошадь, — никто никогда не хочет того, чего хочется мне!

Она расставила у стены пустые консервные банки и запустила в них мячом. Одна банка, забренчав, перевернулась.

— Смотриии! — закричала Лошадь и запустила мяч ещё раз. Бренчания не последовало. — Ку-ку, — тихонько сказала Лошадь и бросила мяч в третий раз. — Смотриии! — опять закричала она. — Я настоящий мастер! — И оглянулась — заметил ли кто-нибудь? — Неудачный бросок получился оттого, что я волновалась. По-настоящему его можно и вовсе не засчитывать.

От нечего делать она посмотрела в окно — и вздрогнула. Внутри снежной крепости что-то двигалось. Вот снова. Что-то тёмное промелькнуло в воротах. Кто-то стоял на башне и кричал! «Дети! В моей снежной крепости! Это надо сейчас же прекратить».

Она кликнула на помощь Собаку, и они вместе отправились изучать обстановку. Собаку Лошадь послала в обход с противоположной стороны крепости, а сама подкралась к стене и заглянула в прорезь бойницы. Так и есть: дети осмеливаются стоять посре-

ди двора! Вот наглость! Лошадь навестила уши, чтобы разобрать, о чём дети говорят, но их голоса, как листья, сорванные ветром, уносились и тонули в снегу.

— В атаку! — закричала она Собаке и ринулась во двор. Собака с громким лаем перемаяла через стену. Дети страшно перепугались. Они стояли, прижавшись к стене и, чуть дыша, молча смотрели на нападающих.

— Вы кто такие? — строго спросила Лошадь, постепенно смягчаясь при виде детей. Они такие маленькие и беспомощные. И не способны причинить никакого зла.

— Я Лиза, — наконец едва слышно произнесла девочка, — а это мой братишка. Мы не знали, что это ваша крепость.

— Ага, — сказала Лошадь, — в самом деле! Эту крепость я построила.

— И я! — добавила Собака, потому что манера Лошади приписывать все заслуги себе раздражала её. — Крепость — наша общая.

Дети ничего не ответили и стояли в ожидании. Лошадь почувствовала, что надо что-нибудь сказать.

— Прекрасная погода! — заявила она в конце концов. — Подумать только — весна наступает! Или что-то в этом роде.

Мальчик осмелел:

— А кто вы? Мы вас в магазине видели. Когда собака показывала свои фигурки. Вы чьи лошадь и собака?

Тут Лошадь вспомнила этих детей. Она вопросительно поглядела на Собаку, но поняла, что помощи от неё не дождёшься.

— Я ничья, — сказала тогда Лошадь. — Я — своя собственная.

— Так не бывает! — уверенно заявил мальчик. — У лошади всегда бывает хозяин. И у собаки тоже. Вот мыши — это другое дело. — Мальчик на минутку задумался. — И воробьи другое дело, и плотва. Они — ничьи.

— Да при чём тут воробьи? — рассердилась Лошадь. Она сурово поглядела на мальчика, но опять смягчилась, когда заметила, какое испуганное у него стало лицо. «Они же меня боятся, — догадалась Лошадь, — вот оно что!»

И она, повысив голос, громко сказала:

— Пойдёмте с нами. То есть я имею в виду — добро пожаловать! Вы нас не бойтесь.

Мы живём здесь, на молокозаводе, сами по себе. Я с удовольствием вам всё покажу.

Мальчик о чём-то пошептался с сестрой. Потом они направились к молокозаводу.

«Вот так», — подумала Лошадь и вежливо отворила перед ними дверь: хорошие манеры, полученные в цирке, вошли у неё в привычку.

Ёжик только что вернулся с лыжной прогулки и как раз собирался поесть. В чайнике дымился чай, на столе лежали сыр, спаржа, и хлеб, и кусок пирога с капустой — для Лошади. Пирог ей в кои-то веки, после долгих заказов, удалось купить в магазине.

Дети степенно подошли к столу. Девочка поглядела на хлеб и потрогала его кончиком пальца. Они стояли молча и смотрели, пока Лошадь вдруг не поняла, чего им хочется.

— Вы, наверное, голодные, — сказала она, — прошу к столу. Пожалуйста, угощайтесь, будьте добры. Иными словами — ешьте сколько душе угодно, еды много!

Дважды детей приглашать не надо было. Капустный пирог исчез в мгновение ока, за ним сыр и чёрствый хлеб и под конец — спаржа. На столе остался только пустой чайник.

— Не хотите ли чего-нибудь ещё? — спросила обалдевшая Лошадь. — Хлеба... или сыра... вы только скажите...

— Спасибо, мы наелись, — серьёзно глядя на Лошадь, сказал мальчик. — Было очень вкусно. Мы со вчерашнего дня ничего не ели.

— Как это возможно? — спросила Собака. — В наше-то время! Вы что, заблудились?

— Нет, — сказала девочка, глядя в пол. — Просто у нас дома сейчас совсем пусто. У папы нет работы... и... он вчера поехал купить еды и ещё не вернулся. А мамы нет уже давно.

Глаза Ёжика увлажнились: он знал, какво это — потерять отца.

— Бедные дети... — пробормотал Ёжик. Он тут же засеменял в кладовую и мигом вернулся. Торопливо выложил на стол хлеб и сыр и, видя, что дети не решаются прикоснуться к ним, скомандовал: — Ешьте! Здесь я распоряжаюсь. Быстро за стол!

И дети послушались. И снова принялись за еду с большим аппетитом.

Пока дети ели, Лошадь, Собака и Ёжик хлопотали. Они выкатили из сарая лыжемо-биль, и Собака погрузила на заднее сиденье

продукты. Когда дети наелись до отвала — да так, что не могли подняться со стульев, — Ёжик объявил:

— Забирайтесь в машину! Будете показывать дорогу — Собака с Лошадью отвезут вас домой. — Ёжик пристально взгляделся во что-то очень далёкое. — И если вам нужна будет помощь, не стесняйтесь приходить сюда. Мы поможем вам чем только сможем.

Лошадь с Собакой почти внесли растерянных детей в кабину, и в ту же минуту лыжесмобиль, жужжа, понёсся вперёд. Ёжик стоял, глядя ему вслед, и думал: «Маленькие дети, голодные, без мамы... Жили как все — дни шли за днями, из них вырастали годы, длинные, как дороги. А у детей даже не каждый день бывала еда».

И от этого сердце Ёжика готово было разорваться.

Когда утром Лошадь вышла во двор, то почувствовала, что снег, лес и кусты будто ждут чего-то. Снег стал низеньким, маленьким, слежавшимся. Ели всплёскивали освободившимися от снега руками, и влажный ветер проносился сквозь душу Лошади. Где-то вдалеке зашуршало.

«Дождь, — вспомнила она, пригнувшись. — Добро пожаловать, дождик!»

На голову Лошади упала капля, вторая, третья... Шум усиливался. Сначала капли падали редко, как давнишние мысли, а потом на Лошадь обрушился настоящий ливень. Она забежала в дом и стала смотреть в окно. Струи дождя перечеркнули пейзаж: дождь стал ровным, долгим, вечным. Проснувшись среди ночи, Лошадь услышала однообразный стук капель по крыше.

— Спокойной ночи, дождь! — тихо сказала Лошадь, но дождь не отвечал, а всё лил и

лил. Она повернулась на другой бок и постаралась заснуть. Тяжёлое дыхание коров в конце концов укачало её.

На следующее утро дождь всё ещё шёл. Снег посерел, стволы деревьев блестели совсем по-иному, чем раньше. Лошадь заметила, что опушка леса вдруг окрасилась в серые, красноватые, сиреневые цвета. В полевых канавах торопливо журчала вода. Она бежала в реку, пруд, озеро, в море, а потом опять в небо, чтобы стать дождём. Лошадь смотрела на воду и пыталась вообразить — каково быть каплей.

«Наверное, и поговорить недосуг, когда такая спешка, — думала она. — Наверяд ли даже чаю успеешь выпить».

И она пошла к Ёжику — попросить чашечку чаю. В конце концов, хорошо быть лошастью. Молчаливый Ёжик смотрел на тлеющие угли. Он опять грустил, потому что бегать на лыжах больше нельзя было — слишком мало снега. И ещё одно его угнетало. Он вспоминал детей, их серьёзные глаза, в которых совсем не было радости. Хотя Лошадь с Собакой ещё раз отвезли им еду, Ёжик переживал. Что-то нужно придум-

мать, говорил он себе, найти настоящий выход. Но какой? Он размышлял уже не один день.

— Чай кончился, — безучастно сказал он Лошади, — но я могу сварить какао. На складе есть. И молока много.

Лошадь никогда даже не слыхивала про какао. И когда перед ней задымился коричневый напиток, она постаралась изо всех сил сохранить присутствие духа. Неужели настоящей лошади необходимо пить жидкость такого цвета?

Но испытующий взгляд Ёжика заставил её решиться. Лошадь состроила гримасу, отхлебнула — и изумилась. Горячо и вкусно!

— Спасибо! — поблагодарила она и присела рядом с Ёжиком. — Честно говоря, я бы не поверила.

Наступила пауза.

— Там, между прочим, дождь идёт, — заявила Лошадь, чтобы разогнать тишину.

— Знаю, — отвечал Ёжик. — У меня ведь тоже уши есть.

Они сидели молча и слушали. Откуда-то издалека донёсся замирающий шум, потом и он смолк. Стало совершенно тихо.

— Дождь перестал, — сказал Ёжик и вдруг приподнял голову. — Мне кажется, я знаю, что это означает.

— Что? — любопытствовала Лошадь.

— Весна наступила — вот что. На дворе, наверное, весна.

Лошадь отворила дверь. Ёжик был прав. Свежий воздух, неожиданно новый и дурманящий, ворвался снаружи; от усталости не осталось и следа. На Лошадь повеяло нежным теплом. Она приняхалась и принялась носиться взад и вперёд по полю. Последние островки снега таяли на глазах, и казалось, что влажная земля в одно мгновение готова вырастить килограммы сена.

— Весна, урраа! — закричала Лошадь. — Земля растёт!

Она помчалась напрямик к своим грядкам. Где-то там, под землёй, консервные банки уже пускают осторожные ростки. И скоро на поверхности покажутся первые робкие побеги. Лошадь запыхалась от радости — каким чудесным, оказывается, может быть мир!

Потом она кинулась в дом — позвать всех встречать весну. Клубничка и Черничка по-

глядели на неё снисходительно, как на ребёнка.

— Что за невидаль — весна? — вежливо поинтересовалась Черничка, но Лошадь её не слушала. Она уже колотила в дверь Собаки, она вопила в норку Мыши весеннее приветствие:

— К нам весна, весна пришла — стала Лошадь весела! — и ещё громче: — Все на улицу гулять, к нам весна пришла опять! Убежала прочь зима, Лошадь видела сама! Снег сбежал, поют поля — наша, наша вся земля! — И пустилась в пляс.

— Бедняга Лошадь, — проворчала Клубничка, — стихоплёт несчастный. Видать, ей кирпич на голову свалился.

Но, выбравшись-таки на улицу, коровы вмиг преобразились. Клубничка понеслась вдоль обочины, взбрыкивая задними ногами, а Черничка замычала, затрубила и принялась бодать торф. Теперь пришла очередь Лошади удивляться: считают себя благовоспитанными дамами — и такое поведение. Она только головой покачала.

Одна Собака не разделяла всеобщего восторга. Позже, когда, устав веселиться, все со-

брались за обедом, Лошадь заметила, что Собака печальна и задумчива. Она смотрела куда-то в пространство и время от времени тяжело вздыхала.

«Верный друг Собака, — думала Лошадь, глядя на неё с нежностью. — Она о чём-то грустит, но это скоро пройдёт».

Собака поймала взгляд Лошади и очнулась:

— Я тут подумала... ведь мне когда-нибудь нужно... — И она опять смолкла.

Лошадь вопросительно взглянула на неё:

— Что-что? Я не расслышала!

— ...нужно уходить... — твёрдо повторила Собака, глядя Лошади в глаза. — Зима кончилась. Скоро лес просохнет. И тогда Пожарному Сторожу понадобится моя помощь. Он уже ждёт, когда я приду. Я знаю.

Лошадь остолбенела. Она, правда, предвидела такое — но чтобы так вдруг? Что теперь с ними будет, кто же будет коров доить? Кто будет вырезать из дерева фигурки? Кто будет другом, каким бывает только Собака? Конечно, остаются ещё Ёжик, Мышь, Ворона и коровы... но всё-таки. Не станет чего-то очень важного. Лошади стало грустно. Буй-

ная весенняя радость стекла на землю и превратилась в лужицу, которая тут же испарилась.

— Я догадываюсь, о чём ты думаешь, — обратилась к ней Собака. — Мы хорошо провели вместе зиму, и мне трудно уходить. Но Пожарный Сторож уже старый человек, — тут Собака перевела дыхание, — и навряд ли ему доведётся увидеть ещё много вёсен или зим. Он нуждается во мне сейчас. Когда-нибудь потом, когда пройдёт время, мы, может быть, опять заживём вместе.

— Да, — отвечала Лошадь, повесив голову, — да, конечно. Всё правильно.

Она понимала, что против воли Собаку не удержишь. Собака уйдёт, когда захочет. И постаралась приободриться.

— Собака, спасибо тебе за всё, — сказала Лошадь, — я тебя полюбила, честно. И конечно, мы ещё встретимся.

В это время в дверях закаркала Ворона. Все обернулись посмотреть. Ворона выглядела внушительно: сапоги блестели, костюм был вычищен, рубашка отутюжена, перья приглажены. В руке у неё был крохотный

баул. В него Ворона положила фигурку, подаренную Собакой.

— Я тоже пришла сообщить, что сейчас отбываю. Наступила весна, меня призывают обязанности. Да, действительно, я получила письмо. Там очень ждут. Без вожака не справляются, вот и зовут меня назад. Я полагаю, что немногие из вас получили подоб-

ное письмо, не так ли? — Ворона сияла, как витрина универмага. — Так что я отправляюсь. Благодарю за компанию. Если нужна будет моя помощь, только пригласите — и генерал спешно прибудет. — Она призадумалась. Потом вспомнила: — Ах да! Чуть не забыла. Лошадь может продолжать за меня шахматную игру по почте, если мне ещё будут приходить письма. Хотя я думаю, ворон больше не ответит. Наверное, ему стыдно, что проиграл.

И Ворона улетает! Настроение Лошади летело кувырком. Кто теперь будет давать дельные советы? Кто поможет перебраться через реку? Кто будет другом, каким бывает только Ворона?

— Все уйдут, только я останусь, — заплакала Лошадь. Из её глаз потекли большущие слёзы, и Мышь, которая как раз зашла проститься, угодила прямо под душ.

— Помогите! Тону! — запищала она.

Лошадь услышала слабый голосок где-то под ногами, наклонилась и увидела Мышь, грозившую ей кулаком. А в другой руке у Мыши был чемодан, так что Лошадь сразу поняла, в чём дело. Но решила держаться спокойно.

— Спасибо, Мышь, — сказала она, — спасибо за всё. Спасибо, что направила меня сюда, на молокозавод, что помогала нам, что делала сыр и что была таким другом, каким бывает только Мышь. Без тебя мы бы не выжили. Надеюсь, что мы ещё увидимся. Всего тебе хорошего!

Мышь покраснела. Она собиралась запомнить все слова Лошади до единого, чтобы сразу же в поезде занести их в дневник.

— Поблагодарили всё-таки! — проворчала Мышь, очень довольная. Она улыбнулась Лошади, помахала, подхватила свой чемоданчик и помчалась во весь дух: ведь поезд не станет ждать — это Мышь знала по опыту, и к тому же она хотела непременно занять место у окна.

Собака собрала свои пожитки и, поскольку не терпела долгих проводов, решила тут же и отправиться — вместе с Вороной. Та уже ждала. Собака попрощалась с каждым по очереди, а Ворона помахала крылом. В дверях они остановились и ещё раз оглянулись назад, а потом их и след простыл — остался только тёплый весенний ветерок.

Лошадь уставилась перед собою невидящим взглядом.

«Нет Собаки, нет Вороны, нет Мыши. Только я и Ёжик остались, — с грустью думала она, — и ещё коровы». Она посмотрела на коров. Черничка ответила ей задумчивым взглядом.

— Кто теперь будет нас доить? — спросила она. — И кто будет делать сыры? Я просто спрашиваю. Я нисколько не хочу тебя тревожить, Лошадь. Но это меня интересует, как ты сама понимаешь.

— Не знаю, — сказала Лошадь беспомощно и искала взглядом Ёжика. — Кто бы знал... Ёжик, ты знаешь?

Ёжик лихорадочно соображал. Коровы, дойка, молоко, сыры и дети колесом вертелись у него в голове. Все нуждались в заботе. И внезапно его осенило. Ёжик вытянулся во весь рост и выпалил:

— Я придумал! Ой, я придумал, ой — я придумал!

— А можно ли эту придумку послушать? — поинтересовалась Клубничка. — Я готова поспорить на свою старую шляпу, что она никуда не годится.

Ёжик не обратил на неё никакого внимания и пропустил колкость мимо ушей. Он радостно улыбался.

— Отдадим коров детям! — с жаром заговорил он. — Дети будут ухаживать за коровами, получать молоко, делать сыры и продавать их Торговцу! И у них всегда будет еда! А коровы будут в человеческом обществе. Они же всё время только этого и желали.

— А как же мы, что будет с нами обоими? — принялась вслух размышлять Лошадь. — Где нам взять еду?

— У нас же есть огород, и теперь весна! — закричал Ёжик. — Трава начнёт расти, дождевые червяки, и всё! Мы всегда что-нибудь да придумаем.

«В самом деле, — подумала Лошадь. — Может быть. А иначе никак — нам вдвоём с Ёжиком ни за что не справиться с коровами. Теперь всё зависит от того, что они сами скажут».

Лошадь взглянула на Клубничку почти умоляюще. Велико же было её изумление, когда та со вздохом протянула Ёжику свою старую фетровую шляпу:

— Я проиграла. Предложение звучит почти приятно. Люди... — продолжала она мечтательно, — некоторые из них по-настоящему-

му понимают коровью душу. Не то чтобы у меня было что-то против вас, но всё же... Впрочем, спасибо за всё.

Черничка тоже подошла к Ёжику:

— Хорошая мысль! Одобряю безоговорочно. Хотя, как вы знаете, это совсем не в привычках коров. В благодарность прими туфли моей мамы — носи на здоровье. А тебе, Лошадь, дарю все книги. Чтобы не было так одиноко, когда мы уйдём. Читай себе. Я, конечно, понимаю, что вы будете ужасно скучать без нас.

— Но я же не могу читать без очков, — огорчилась Лошадь, — я ведь и сюда попала потому, что...

— ...Потеряла очки, совершенно верно! — продолжала Черничка. — И я слегка удивлялась тому, что ты не приобрела новых очков. Особенно теперь, когда у тебя появились деньги. В деревне есть магазин. Уж наверное, там можно заказать не только пирог с капустой, но и очки! — И Черничка торжествующе улыбнулась, глядя на ошеломлённую Лошадь: ну какие же недотёпы эти лошади!

«Купить новые очки, — поразилась Лошадь, — как я сама об этом не подумала! Спе-

рва у меня не было денег, а потом я и думать забыла об этом. Ведь теперь у меня и в самом деле есть сбережения!»

Благодарная Лошадь не могла надивиться на коров: до чего эти животные могут иногда казаться почти разумными!

«С сегодняшнего дня даю обещание не обижать коров — никогда худого слова не скажу, — клялась она себе, — если только они сами не будут злюками!»

Лошадь проснулась и подняла голову, удивлённая: было совершенно тихо. Она живо вскочила на ноги — в этой тишине было что-то странное. И вспомнила. Даже коров теперь не было.

Дети встретили их как долгожданных друзей. Маленький коровник возле их избушки был мигом приведён в порядок; и глаза коров засияли почти так же, как глаза детей. Девочка, оказывается, даже умела доить.

Ёжик с Лошадью полюбовались на них немного и потихоньку, не прощаясь, ушли: к такому безграничному счастью ничего не прибавишь.

«Теперь остался один Ёжик, — подумала Лошадь. — Но где же он, в самом деле?»

В доме было угнетающе пусто.

«Ну конечно! Ёжик тоже ушёл, — решила она, — и, наверное, не захотел ничего сказать, потому что боялся, что я обижусь. Вот оно как».

Лошадь начала искать письмо. Она была уверена, что в каком-нибудь знакомом уголке отыщется листок белой бумаги, где вначале написано: *«Дорогая, любимая Лошадь...»*

«Но если письмо найдётся, то как же я его прочту? — вспомнила она. — Сначала мне надо добыть очки! Скорее в магазин, а потом назад — искать письмо!»

Лошадь опрометью бросилась в сарай. На лыжемобиль — и вперёд!

Она завела мотор. Лыжемобиль с трудом двинулся и почти сразу остановился как вкопанный. Лошадь недоумевала. Она открыла капот и заглянула внутрь, но тут же и захлопнула. Без Вороны нечего и пытаться! Вдруг её взгляд упал на лыжи, и она всё поняла.

Снега-то ведь нет, значит, пришло время колёс! Но теперь автомобиль и ни к чему — в магазин можно запросто сбегать. Очки ведь ничего не весят.

И Лошадь во весь опор помчалась в магазин.

Проскакав немножко, она остановилась отдышаться и заметила опять нечто новое: голый лиственный лес превратился в птичий базар и робко зазеленел.

На краю канавы цвели жёлтые шарики; в просветах между мхом и кустарником невинно мигали глазки подснежников. А свежая трава! Лошадь понюхала и ухватила порядочный клочок. Бывает ли что-нибудь лучше! И Лошадь хватанула ещё. И во рту у неё оказалась целая куча земли.

Лошадь долго отфыркивалась и хлебала воду прямо из канавы.

«У жадины жалкая жизнь, — вспомнила она скороговорку. — Побегу-ка я лучше напрямиком в магазин. А трава за это время немножко подрастёт».

В магазине кроме торговца были только молчаливые товары. Похоже, что им было там очень одиноко. Торговец удивлённо воззрился на Лошадь:

— Того... Одни, стало быть, пожаловали? А сыры-то где?

— Да, одна, — отвечала Лошадь. — Изготовитель сыров поменялся — вас скоро из-

вестят. А у меня сейчас дело поважнее. Есть ли... — тут Лошадь громко стлотнула, — найдутся ли у вас на складе очки? Лошадиного размера. В крайнем случае обыкновенные тоже сойдут.

Торговец почесал затылок. И ещё раз подумал, что в жизни не встречал существа удивительнее Лошади. Дома у них был когда-то баран Йозеф, который носил шляпу и ел за столом со всеми, но он всё же не разговаривал, а только блеял. И Торговец, отдуваясь, принялся рыться в коробках.

Вскоре на столе выросла куча всяких вещей: карандаши, резинки, тесьма, иголки, два финских ножа и аптекарские весы. Но ничто из этого хлама не напоминало очки. Торговец снова почесал в затылке. И наконец вытащил откуда-то связку запылённых солнечных очков. Они, видимо, дожидались покупателей последние десять лет.

Лошадь торопливо напялила очки. Мир ни-сколечко не прояснился, а, напротив, окончательно потемнел. Какое разочарование! Что это за очки, раз они, наоборот, мешают видеть! Раздосадованная Лошадь швырнула солнечные очки на прилавок и впала в уныние.

«Мне ничего никогда не удаётся, — горевала она, — скоро останется один выход — колбасный завод!»

И Лошадь погрузилась в жалость к самой себе — глубокую и тёмную, как глаз лесного озера.

Торговец увидел, что Лошадь переживает, и ему стало жаль её. Он ещё разок поднапряг память. В вещах, оставшихся от его бабушки, был старый очечник, в котором вполне могли находиться очки. Торговец поднялся на чердак и мигом вернулся. В руках он вертел что-то весьма знакомое.

— Очки! — обрадовалась Лошадь. — Круглые. Лошадиного размера. Ой, хоть бы они мне подошли!

Лошадь осторожно надела их. Далёкий лес скрылся в тумане; мир съёжился до размеров комнаты. Но газета, которая проводила свои летние каникулы валяясь на прилавке, теперь не была просто серым куском бумаги: буквы возвратились и замерли на своих местах. Лошадь снова могла читать!

Она и прочла всю газету — от корки до корки. «Жеребец Герцог — победитель соревнований».

«Не знаю такого, — подумала Лошадь, — должно быть, новичок. Невозможно представить, но это правда — я в очках! И опять читаю!»

Лошадь крепко обняла продавца. Тот окаменел от изумления и даже забыл попросить деньги. А потом было уже поздно, потому что Лошадь умчалась: раз! — и перелетела через забор. Очки она предусмотрительно

спрятала в футляр, а футляр — на дно кармана.

Теперь ей нужно было во что бы то ни стало найти Ёжикино письмо, и Лошадь неслась всё быстрее. Галопом подлетела она к молокозаводу и остолбенела: посреди двора стоял Ёжик и горько рыдал. Какой же он был маленький и беспомощный!

— Стой! Эй, погоди! — крикнула она. — Что случилось? Тебе помочь?

— Мне никто не может по-мо-очь, — всхлипывал Ёжик, глядя в землю: он стыдился заплаканных глаз. — Я остался совсем один. И Лошадь тоже ушла-аа! Никто здесь больше не жи-вёёт! Уходи и ты от-сю-дааа, кто ты ни есть!

— Но я же здесь! Я, Лошадь. Именно та, что здесь жила. Никуда я не ушла. Ах да, я ведь бегала в магазин за очками. Я снова вижу буквы и могу читать! Теперь могу даже домой вернуться! Ты хоть взгляни — это ведь я!

Ёжик шмыгнул носом и бросил на Лошадь недоверчивый взгляд. И только через несколько мгновений до него дошло, что перед ним действительно Лошадь. Настоящая, единственная, неповторимая Лошады!

— И даже улыбчивая Лошадь, — добавила она, осклабясь до ушей: так тепло стало у неё на сердце.

Она была настолько поглощена радостью, что не успела посвятить Ёжика в свои планы.

«Домой! Почему бы и нет — все ведь отправились по домам. И я отправлюсь, — воодушевилась Лошадь, — дом меня уже ждёт!»

Лошадь носилась из одной комнаты в другую, собирая вещи.

— Я и в самом деле ухожу, — приговаривала она, охваченная необъяснимым восторгом, — хотя и здесь было хорошо... Урр-рааа!

И она было рванулась вперёд, как ветер. Но тут заметила Ёжика. Вернее, его взгляд — печальный, разочарованный и растерянный. И поняла, что Ёжик сейчас останется один-одинёшенек. И закричала:

— Ёжик, идём со мной! Отправимся ко мне домой, там хватит места и для тебя. Под крышей есть маленькая комната. А в саду — высокая трава, где ты сможешь шебуршить сколько угодно. Я буду наливать для тебя молоко в блюдечко. И у тебя будет работа —

змей отгонять. А по вечерам будем вспоминать прошлое.

— Ты что, в самом деле хочешь взять меня с собой? — недоверчиво спросил Ёжик. — Я буду только путаться у тебя под ногами. И эти иголки... Какой от меня прок? В городе ведь не бывает змей.

— Бывают! — заверила Лошадь. — Да ещё какие! Размером с человека. И самое главное — я без тебя не найду дорогу домой. Потому что ты один умеешь ориентироваться по карте.

Ёжик вспомнил — что правда, то правда. Но где же карта? И компас?

Он стал лихорадочно искать карту. А что если её коровы съели? Карты нигде не было. Ёжик обшарил комнату Собаки, Мышиную норку, потом свою комнату — но всё напрасно. Оставалась только комната Лошади.

Ёжик взглянул на дверь. Там всё ещё висела бумажка с надписью: «ЛОШАДЬ СОННАЯ». Бумажка показалась ему знакомой. Ёжик изо всех сил подпрыгнул и сорвал её. Она таки оказалась картой — Лошадь по рассеянности написала своё имя на обратной стороне. А компас отыскался в норке Мыши — та решила, что это часы.

Потом Ёжик упаковал в рюкзак чайные чашки и разные мелочи. Фигурку, подаренную ему Собакой, он завернул в носовой платок и положил на дно одной из чашек. Теперь можно было отправляться в путь.

Лошадь обошла все комнаты, прощаясь с ними:

— Прощай, комната Ёжика! Прощай, комната Собаки! И моя комната — прощай! Прощай, весь молокозавод! Спасибо за эту зиму. Спасибо, что ты приютил нас под своей крышей и защищал от холода. Спасибо, что ты кормил нас!

Тут Лошадь вспомнила про свои посадки. Что с ними теперь будет? Она бросилась в поле, по дороге прихватив из сарая лопату. «Выкопаю пару банок, чтобы посмотреть, пустили ли они корни и есть ли ростки. А когда придёт осень, мы вернёмся и соберём урожай. Кто знает, может, опять проведём тут зиму».

Лошадь принялась вовсю орудовать лопатой. Скоро она накидала вокруг большущую кучу земли, но ничего похожего на банки не обнаружила. Выкапывались только червяки и терпко пахнувший грунт. Единственным найденным предметом была старая подошва.

«Странно, — думала Лошадь, — я вроде бы их сюда сажала... Ну хоть какие-то следы должны были остаться?!»

Она воткнула лопату поглубже. Вдруг земля осыпалась, и перед Лошадью разверзлась яма, из которой лезло наружу какое-то мохнатое существо. Существо раскидывало землю в стороны руками-лопатками и казалось страшно сердитым.

Крот только что проснулся. А вдобавок — кому же понравится, когда крыша дома внезапно исчезает, а на её месте оказывается яркий солнечный свет!

Больше всего Крот любил темноту.

— Какой злодей это натворил?! — завопил Крот.

Лошадь стояла, сгорая от стыда: не знала, куда лопату девать. Но вспомнила про банки и осмелела.

— Я посадила здесь банки с консервами, а они пропали куда-то, — объяснила она. — Ты не знаешь, куда они девались? Я вправе задать такой вопрос!

— Так это была ты? — Голос Крота задрожал. — Знаешь ли ты, что твои банки спасли нас? Меня и всю нашу семью! Без

консервов мы умерли бы с голоду. Кто-то обокрал наши зимние кладовые — сразу, как выпал снег. И я совершенно случайно нашёл эти банки. Не знаю, как тебя и благодарить.

Лошадь смутилась. От избытка чувств она не в силах была даже взглянуть на малышей кротят, толпившихся за спиной Крота. Лошадь надолго закашлялась и, поскольку ничего другого не оставалось, сказала Кроту как ни в чём не бывало:

— Вот и хорошо. И ладно. Но одна вещь мне не даёт покоя. Я хотела бы увидеть, что из банок вырастет. Когда сажаешь что-нибудь, то приятно ведь посмотреть на резуль-

тат. Я прочла довольно много книг по сельскому хозяйству.

Крот расхохотался до колик в животе. Он в жизни ничего смешнее не слышивал!

— Прости, если я тебя обижаю, — простонал он, — но это же что-то небывалое! Из банок ничего не растёт, в них еда только хранится. Если хочешь собрать урожай, то сажай семена, картошку, горох. А банки надо держать на полках. Они ведь в земле со временем заржавеют! — Но, взглянув на несчастную, разочарованную Лошадь, Крот продолжал: — Если хочешь, я могу посеять что-нибудь для тебя. Посажу в эти борозды картошку. А осенью возьмёшь весь урожай себе.

Губы Лошади дрожали, так она была огорчена и пристыжена. Но предложение Крота заставило её слегка задуматься. Картошка... Ну что ж, осенью они с Ёжиком смогли бы прийти сюда выкопать картошку и сделать запасы на зиму. А Крот, похоже, разбирается в тонкостях земледелия... Да, наверное, это будет правильное решение.

— Хорошо, я согласна! — сказала Лошадь после долгого раздумья. — Давай так и сделаем. — И договорилась с Кротом, что вернётся

осенью. Крот обещал вдобавок высадить не-много моркови и капусты и даже грядку укро-па. Он уверял, что, если добавлять в еду ук-роп, она становится ещё вкуснее.

Больше ничто их не задерживало. Лошадь обернулась ещё разок взглянуть на молоко-завод.

— Мы обязательно увидимся, — сказала она ему. — Стало быть, до свидания! А слово «прощай» беру назад.

Лошадь была предовольна. Может быть, осенью и все остальные придут собирать уро-жай. Если, например, написать Собаке, Мы-ши и Вороне и пригласить их. Да — и коров! Почему-то Лошадь всегда забывала про них.

Она подошла к лесенке, стоявшей у сарая; Ёжик вскарабкался наверх. Изрядно попых-тев, но ни разу не свалившись, он наконец оказался на лошадиной спине. И был очень горд: кто знает, может, из него ещё выйдет прекрасный наездник!

Вскоре они уже двигались по тропинке, углублявшейся в лес. Там пахло чистотой, как в сауне, а свет стал зелёным, и смотреть было приятно. Лошадь мурлыкала песенку

и с наслаждением встряхивалась. Ёжик при этом мотался в разные стороны, но цепко держался на её спине. Лёгкие птички снова-ли между ветвей и с любопытством глядели им вслед. Мир был такой чудесный и новый! Лошадь почувствовала себя тоже новой и решила отныне ничего не бояться.

— *Лошадка я хорошая, лошадка я приго-
жая и песенку пою весёлую мою!* — распева-
ла она, отбивая такт ногой. И лес шумел, ак-
компанируя ей.

А тропинка всё вилась и поднималась в гору, чтобы потом слиться с другими тропин-ками, дорогами, улицами — со всем миром.

Литературно-художественное издание

ХАННУ МЯКЕЛЯ
ЛОШАДЬ, КОТОРАЯ ПОТЕРЯЛА ОЧКИ

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Ирина Каряева
Корректоры Татьяна Виноградова, Ирина Киселева
Верстка Алексея Положенцева, Антона Вальского

ИД № 03647 от 25.12.2000.

**Подписано в печать 14.11.2001. Формат издания 76×108¹/₃₂.
Печать высокая. Гарнитура «Букман». Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 9,87. Изд. № 171. Заказ № 2489.**

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

**Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.**

ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:

- ПО ТЕЛЕФОНУ: (812) 3270455
- ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ: AREAL@SPBPOST.RU
- НА СЕРВЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»: WWW.AZBOOKA.RU
- ПО ПОЧТЕ: 192236 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ А/Я 300 ЗАО «АРЕАЛ»

Вы можете выбрать удобный для вас способ заказа:

- Наложным платежом с оплатой заказа при получении бандероли в ближайшем почтовом отделении. Обратите внимание, что цены на издания приведены без учета стоимости пересылки вашего заказа по почте.
- По предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте. Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книги из типографии.

При оформлении заказа укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
  - почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
  - название издательства, имя автора, название книги, номер тома, количество заказываемых экземпляров.
-

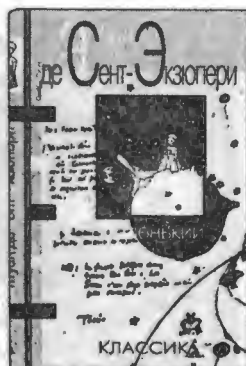

Серия «Планета людей»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопутствовать нашим детям всегда и помогут им вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. В серии «Планета людей» выходят увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми.

Антуан де Сент-Экзюпери. МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

В детстве Антуан де Сент-Экзюпери мечтал о дальних странах, рисовал, сочинял стихи, учился играть на скрипке. В двенадцать лет Антуан впервые оказался в кабине самолета, поднялся над землей. Это определило его дальнейшую судьбу — он стал летчиком. 31 июля 1944 года Сент-Экзюпери отправился в свой последний полет — его самолет исчез в небе где-то над Атлантикой. Годом раньше была напечатана его философская сказка «Маленький принц». Теперь, в начале XXI века она переведена на 118 языков. Уверяют, что это самая читаемая книга после Библии. В приложении к настоящему изданию рассказывается о том, как создавалась эта сказка, впервые в России публикуются рисунки автора, не вошедшие в основной текст.

176 с. 12х20,5 см
переплет

Цена 60 руб.

Лот № 344

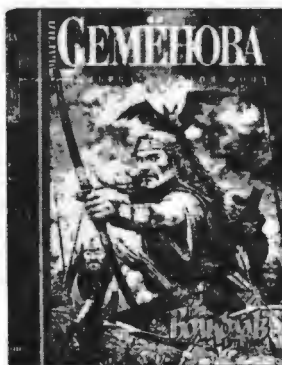
цены указаны без учета почтовых расходов

Серия «Золотой фонд»

Серия «Золотой фонд» — это подарочные издания лучших мастеров российского «fantasy».

Мария Семёнова. ВОЛКОДАВ

Вышедший впервые из печати в конце 1995 года «Волкодав» Марии Семёновой стал событием в литературной жизни России, открыв, по сути, новый жанр — «славянское fantasy». Сегодня книгу смело можно назвать «национальным бестселлером» — пять лет она не покидает верхние строчки хит-парадов, а количество продающихся ежегодно экземпляров измеряется сотнями тысяч. В 2000 году вокруг «Волкодава» и его продолжения «Волкодав. Право на поединок» сложился большой мультимедийный проект «Мир Волкодава», включающий помимо книг настольные игры, комиксы и игрушки.

610 с. 14х22 см,
переплет, супербложка

Цена 110 руб.
Лот № 334

цены указаны без учета почтовых расходов

**«Книжный Клуб СНАРК»
представляет**

---

*Самый широкий ассортимент книг
издательства «Азбука»*

**телефон 050
пейджер 053 абонент «СНАРК»**

В.О. Большой пр., 68 м «Василеостровская»
Загородный пр., 21 м «Владимирская»
Вестибюль ст. м «Лизовский проспект»
Старо-Петергофский пр., 54 м «Нарвская»
Невский пр., 87/2 м «Площадь Восстания»
Ивановская ул., 6 м «Ломоносовская»
Новочеркасский пр., 28/19 м «Новочеркасская»
пр. Просвещения, 74 м «Проспект Просвещения»
пр. Энгельса, 113/А м «Озерки»
пр. Обуховской Обороны, 105 м «Елизаровская»
пр. Чернышевского, 17 м «Чернышевская»
Лермонтовский пр., 55 м «Балтийская»

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

издательство «Азбука»

тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:

представительство издательства «Азбука»

тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»

тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Оникс»

тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:

ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:

ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

ООО «Фазтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:

издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:

ООО «Эзон», тел. (8442) 37-25-19

Все вы, наверное, читали книгу «Дядюшка Ау» или видели такой мультфильм. Может быть, вам попадалась книжка «Пяйве Пяйевич Пяйвев» или вы видели кукольную пьесу с таким названием. Обе эти повести написал известный финский писатель Ханну Мякеля. Он вообще-то написал очень много книг, просто именно эти были переведены на русский язык и понравились русским ребятам.

Теперь у вас в руках его новая сказка — «Лошадь, которая потеряла очки». В ней главной героиней является городская, безумно интеллигентная и поначалу беспомощная лошадь. Ей помогают в трудные дни выжить и сохранить свою интеллигентность Собака, Ежик, Ворона и даже Мышь.

Открывайте книгу и начинайте читать. Только не читайте на уроке — учитель отберет книгу и будет читать сам.

Эдуард Успенский

